

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

КРОВЬ НА КАМНЯХ

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

5

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

**Егеръ Императрицы.
Кровь на камнях**

«Автор»

2021

Булычев А.

Егерь Императрицы. Кровь на камнях / А. Булычев — «Автор», 2021 — (Егерь Императрицы)

В 1773 году Первая Русская императорская армия разгромила основные военные силы турок в Северной Румелии, но была вынуждена отступить за Дунай. Рота Егорова понесла потери, однако смогла сохранить свою боеспособность. Новому большому наступлению быть, эту войну пора заканчивать решительной викторией, и вновь впереди пехотных колонн пойдёт рассыпной строй егерей. Кому, как не «зелёным шайтанам» – «волкодавам» главного квартирмейстерства армии, внести основной вклад в эту победу!

© Булычев А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть I. Зима в Бухаресте	5
Глава 1. Выходной	5
Глава 2. Понедельник	12
Глава 3. Занять своё место в строю!	17
Глава 4. Рождество	21
Глава 5. Служебные хлопоты	29
Глава 6. У оружейников	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Кровь на камнях

Часть I. Зима в Бухаресте

Глава 1. Выходной

– ...В роте у нас всё по-прежнему, Афанасий. Унтера ребят из молодых гоняют до седьмого пота на наших озёрных полигонах. Старички тоже рядом с ними «ковыряются». Там у Курта с Кудряшом да рыжим Василием свои оружейные дела имеются. Они на длинноствольные итальянские штуцера штыки-кортики приспособили, а сейчас что-то там с боевыми припасами колдуют, вроде как новые гранаты себе ладят с фугасами, только и появляются у нас в расположении на общих построениях. Я им всем троим, ещё с той, с прошлой недели вообще разрешил ночевать в доме у Шмидтов, лишь бы у них там вот это вот самое оружейное дело бы сноровисто шло. И увольнительную с печатью из квартирмейстерства выписал, дабы их комендантские патрули не хватили в городе, да чужие бы офицеры чрезмерными придирками не драконили.

Лёшка вздохнул и поправил плотное шерстяное одеяло на лежащем у нагретого печного бока егере.

– Афонь, ты бы прогулялся, что ли, у себя во дворе? Вон, погляди, снежок-то первый чистенький выпал вчерась, а сегодня он даже и по самую щиколотку всю земельку покрыл.

Веки у лежащего на боку солдата вздрогнули, и его отстранённый, какой-то тусклый, словно бы устремлённый вдаль взгляд приобрёл осмысленность.

– Спасибо, вашбродь, не можете мне пока. Простите Христа ради. Полежу я немного, силов нет вставать.

– Афонь, ребята яблочек тебе передали душистых, абрикосов сушёных да пастилки ещё, вот всё рядом с тобой, здесь, на табуретке лежит, погрыз бы чего маненько ты, а? Ежели кашки не хочется, то это в самый раз тогда тебе будет.

Больной покачал головой и прикрыл глаза:

– Простите, вашбродь, никак не можете.

Алексей со вздохом поднялся со стула и оглядел всю комнату. Половина валашского дома с печью посередине была отдана на постой егерской роте. На хозяйской её половине жила тихая, пожилая чета. Вторая, меньшая половина избы, отгороженная печью и тонкой дощатой перегородкой, была отведена под сдачу служилым людям. В ней-то вот уже три месяца и находился один-единственный постоялец этого дома. Вёл он себя совсем тихо, лежал себе отстранённо и даже не стонал, когда в сопровождении Спиридоновича приходили к нему госпитальные лекари, проводили болезненные процедуры да меняли на его многочисленных ранах повязки. Всё он принимал от них молча и с какой-то покорностью.

– Угасает твой солдатик, – качал головой главный гарнизонный врач, Дементий Фомич. – Телесные раны-то мы ему залечили, давеча вот уже последний шов со спины сняли. Но а вот как с душевным недугом его совладать, это уже не в наших силах, прости, Алексей. Ещё чуть-чуть, и, боюсь, сознание совсем помутится у твоего егеря. Придётся тогда его в приказ общественного призрения отправлять. До указа батюшки императора, аж самого Петра Первого, таких вот при монастырях ранее содержали, как блаженных. А вот теперь только лишь строго в особые госпитали всех собирают. Доллгаузами они называются, может быть, чего про них слышал? Спаси Господи туда попасть! – и врач истово перекрестился. – Ты, Алексей, даже

представить себе не можешь, что сии заведения из себя представляют! – Дементий Фомич аж передёрнул плечами.

– Отчего же это? Ещё как представляю! – Лёшка с прищуром посмотрел в глаза врача. – А сами вы представляете, что он под лютыми пытками тогда пережил, а? С него ведь живьём кожу пластами снимали, раны шомполами выворачивали да ещё и огнём жгли! А солдатик наш пощады не просил у тех мучителей, от веры своей и от присяги – не отступился! Три раза его изверги тогда отливали водой, дабы в сознание привести и снова продолжить свою изуверскую пытку. И что же, вот после всего этого его теперь в новую жуть, но только уже у себя отправляют? Туда, где он с буйнопомешанными под замком будет содержаться? А мы-то тогда чем лучше с вами будем вот этих вот самых мучителей?

– Да всё я понимаю, Алексей! Всё понимаю, – вздохнул врач, разводя руками. – Но что же ты мне прикажешь с ним делать-то? Раны телесные на руке у него от пуль уже практически зажили, на спине вон новая кожа выросла, слабость, конечно, ещё пока есть, так ведь он и двигается совсем мало. Только ежели для естественных нужд вон ковыляет потихоньку в уборную. Аппетита вообще нет, есть ничего он не хочет, чуть ли не насильно его с ложки закармливают. Интересы ни к чему не имеет, лежит себе тихонько на топчане да только лишь в одну точку глядит. Ну, хорошо, ещё месяц из уважения к вам, и мне всё одно его или в строй выписывать надобно будет, или же придётся принимать другое и тяжёлое решение. Сам ты как начальствующий офицер должен меня понимать, у нас ведь тоже определённый порядок и всякие там инструкции есть, да и надзирающие за нами, они ведь тоже, так же как и везде, и в лекарстве имеются.

– Ну, это само собой, с надзирающими и с фискальными у нас всегда всё хорошо в стране было, – проворчал Егоров. – Ладно, понял я вас Дементий Фомич, спасибо вам за ещё один месяц. Постараюсь до Рождества всё-таки что-нибудь да поправить, – и, распрощавшись с военным врачом, Алексей зашёл на ту половину, где лежал его егерь.

Комната три шага на четыре. На дощатых нарах с набитым сеном матрасе лежал его вестовой Афоня. Рядом с лежанкой стояли скамеечка и грубый, массивный табурет. На нём сейчас лежали яблоки, гостинцы от солдат, да стоял кувшин с водой и миска с давно уже остывшей кашей. Вся обстановка небольшой комнатки освещалась тусклым, серым светом из маленького слюдяного окошечка диаметром в пол-локтя. Вечером, когда на улице сгущались сумерки, здесь же зажигали небольшой масляный светильник, который уже ближе к ночи тушили. Вокруг лежащего были вечные сумерки, запах пота и вязкая, глухая тишина. Изредка пошаркают в соседней половине ноги стариков, хозяева погремят там посудой или подкинут дров в печку, пробубнят между собой на чужом языке, а затем вновь вокруг повисал этот тусклый, серый и тягучий покой.

А ведь там, за окном, был целый огромный мир. По мелкому белому снежку, покрывшему только вот недавно всю землю, топают в строю крепкие солдатские сапоги. Шаркает по дороге разбитая обувька простолюдинов. Или цокают по подмёрзшей мостовой изящные сапожки прелестных дам высокого общества, выточенные из тонкой и мягкой телячьей кожи и подбитые металлическими подковками.

В городе гремят ротные и полковые барабаны, слышатся крики и перебранка на площадях, на улицах, на нескольких больших базарах и мелких рынках. Город Бухарест огромен и многолюден. Помимо гражданского населения, в нём сейчас стоят на постое несколько пехотных и конных полков Первой Русской императорской армии. И всё это ещё более усиливает кипенье жизни в этом южном придунайском городе. У каждого здесь есть своё дело и своё занятие.

Капрал Рябцев из Выборгского пехотного вёл к северному пропускному кордону новый, заступающий караул на смену уже отстоявшему своё.

Унтер особой егерской роты Потап Ёлкин шёл с пятёркой рядовых из армейских интендантских магазинов. У солдат за спиной топорщились мешки с провиантом. Были они, как видно, тяжёлыми. И теперь Потап Савельевич громко, аж на всю улицу, выражал своё недовольство крайней нерасторопностью и несобранностью Федота, второй раз уже умудрившегося на обратном пути поскользнуться и макнуть-таки свой мешок с ржаной мукою в снег. Вот и выслушивал теперь и сам этот растяпа, и все его окружающие всё то, что сейчас подсказывала богатая живая фантазия главного интенданта обо всех Федоткиных личных качествах да и вообще о ротозействе молодых солдат в целом.

Местные пацаны на пустыре умудрились скатать из снега огромного снеговика и теперь со смехом разрисовывали его широкую мордашу печной сажей.

Бабы с северных городских предместий несли корзины с бельём к ближайшему озеру. Тонкий ледок возле прибрежного настила был сколот, и на нём уже полоскали после традиционных субботних постирушек самые домовитые из хозяек.

Двое егерей набрали с мостков холодной воды в свои большие деревянные вёдра. Один из них, кудрявый, чернявый, со смуглым лицом и большими цыганскими глазами навывкате, зачерпнул студёную водицу и игриво плеснул её полную ладонь в ближайшую к нему молодку. Та от неожиданности громко завизжала и огрела хулигана скаткой тяжёлого мокрого белья. На помощь подружке подоспели ещё три крепкие бабы с красными, засученными по локоть рукавами. И теперь служивые улепётывали от них по тропинке в ту сторону, где уже дымилась в отдалении ротная банька. Хотя нет, не верно, они, конечно же, не улепётывали, а, так сказать, отступали под яростным натиском значительно превосходящих их сил супротивной стороны.

Жизнь в большом этом мире была ключом, а старший вестовой отдельной особой роты егерей Мальцев Афанасий лежал в это время в своей тёмной комнатке, и не было ему ни до чего дела.

– Ну ладно, мы это ещё посмотрим! – Алексей нахмурился и, обведя глазами ещё раз всё это тёмное и унылое жилище, стремительным шагом вышел из дома. В его кошельке, лежащем во внутреннем кармане егерской офицерской шинели, чуть слышно в такт шагам позвякивало несколько серебряных монет. А коли у него есть при себе деньги и он может их потратить на дело – значит, ему сейчас был прямой путь к базару!

Базар, рынок, торжище – всегда они были сердцем и центром событий любого города и любой страны издревле. На них не только торговали и что-либо приобретали, здесь ещё традиционно обменивались новостями и делились событиями сотни и тысячи людей. Рынки и базары всегда отражают состояние того города или поселения, где они располагались. Не зря же восточная мудрость гласит: чтобы узнать душу города, его местный колорит, стоит один лишь раз посетить его базар – и тебе сразу всё станет понятно. Ведь именно здесь были представлены все лучшие местные и завозные товары, изделия ремесленников и товары мануфактур, продукты животноводства и земледелия. Здесь, в толчее людей, всегда можно было найти то, что тебе нужно и что доступно по твоим средствам. В Бухаресте, на этом традиционном сосредоточии торговых путей между Европой и Азией, чего тут только сейчас не было. Алексей же целенаправленно шёл в те ряды, где торговали посудой и изделиями из стекла. Резкий запах пряностей и специй, витавший в этой части базара, усилился. Капитан-поручик как раз проходил мимо тех лавок, где люди в восточных одеждах торговали на развес своим ароматным товаром. Ещё немного, и вот уже показались нужные ему посудные ряды.

– Пан офицер, пан офицер, пожалуйста ко мне, у меня есть для вас прекрасный чайный сервиз из тонкого саксонского фарфора с глазурью! – торговец на довольно хорошем русском, низко кланяясь Алексею, зазывал его в свою лавку.

– Нет, нет, спасибо, – покачал тот головой. – Мне нужно стекло, только лишь одно оконное стекло. Где тут у вас торгуют этим товаром?

Торговец вздохнул и показал рукой в правую сторону:

– Сюда, вот в этот проход, пан офицер, и ещё через один ряд как раз там и будут торговцы стекольщики. Только если вы задумаете приобрести в будущем хорошую посуду, любого назначения, и такую, какая подобает человеку из высокого общества, то милости просим вас ко мне, к Эмилиан Киву. И поверьте, у меня здесь самый лучший товар наивысшего качества и по хорошей, доступной цене. Я для вас и скидку наилучшую сделаю!

– Да, да, хорошо Эмилиан, если у меня будет в этом нужда, то я вас обязательно найду, – Лёшка с трудом отделался от навязчивого торговца и прибавил шагу. Ему сейчас нужен был совершенно определённый товар. Ага, ну вот что-то типа этого. Под торговыми навесами стояли уже готовые оконные рамы и просто листы стёкол самых разных размеров и расцветок. Было тут и яркое витражное стекло, и плоское оконное от желтоватого и голубого до свинцово-молочного и просто бесцветного. Пройдя по всему стекольному ряду, Алексей выбрал ту лавку, где под широким и длинным навесом стояло больше всего товара, а два её торговца вели себя с достоинством и с той солидностью, какая и выделяет серьёзных коммерсантов. Таких, которые не бросаются сломя голову за каждым проходящим мимо и не вопят при этом на весь рынок.

Да, от стекла двадцать первого века вот это всё, что здесь сейчас было представлено, конечно же, сильно отличалось. Да это и понятно, до технологии листового проката ждать ещё нужно было более столетия, и, как Егоров смутно припоминал, всё стекло по самой передовой технологии сейчас выдували в форме цилиндра при вращении, а уже потом его резали, грели, выправляли и снова разрезали на части. Короче, весь этот процесс стекольного производства был ну очень и очень муторным. Но в любом случае окна из этого стекла были значительно лучше тех, что использовал простой народ, а были они у него в основном из воощаной холстины, плотной бумаги, слюды, ну или вообще из растянутого бычьего пузыря.

Чернобородый тучный мужчина, на вид которому было уже лет за сорок, внимательно посмотрел на остановившегося у его лавки русского офицера и с достоинством поклонился:

– Здравья, господарь! – И он наморщился, как видно, пытаясь подобрать известные ему русские слова.

– Merhaba sanım! Endişelenme, Türkçe konuşalım mı?¹ – прервал его мыслительный процесс Егоров.

– О, да, господин! Простите меня великодушно, я пока ещё недостаточно хорошо изучил ваш язык, и так нам действительно будет гораздо удобнее договариваться, – обрадовался бородач, перейдя на привычный ему турецкий. – Меня зовут Марку Бырцой, а это мой сын Вэли. Здесь на базаре у нас своя лавка. А на восточном, на приморском тракте есть ещё мастерская, и при ней артель плотников со столярами стекольщиками. Вы хотите подобрать стекло для себя? Будьте же так добры, посмотрите, у нас здесь его просто огромный выбор. Вот тут стекло из Богемии, а вот здесь оно изумительной французской выработки. Вот подешевле, это уже местное, правда, оно очень мутное и хрупкое, и я бы не рекомендовал его такому солидному человеку, как вы. А вот ещё обратите внимание, оконное стекло из английских мануфактур, и даже у меня тут есть немного вашего, господин офицер. Оно было отлито, э-э... Копорский, Кали... Калищенск мануфактур, – Марку с большим трудом сумел выговорить такое сложное для него русское название.

Выбирать здесь действительно было из чего, и следующие четверть часа Алексей скрупулёзно осматривал и оценивал весь представленный ему товар. По цене и по качеству после долгой торговли и размышлений его выбор пал на стекло из Англии. Промышленная революция Туманного Альбиона и бурное развитие тамошних мануфактур сказалось и на развитии всей стекольной отрасли страны в целом, и в итоге она оставила позади себя всех своих конкурентов.

¹ Здравствуйте, уважаемый! Не мучайтесь, давайте будем говорить на турецком? (тур.)

– Господин офицер хочет сам заняться установкой окон или у него уже есть знающие в этом толк люди? – поинтересовался торговец. – Согласитесь, будет очень обидно, если несведущие в этом деле люди испортят такое дорогое и прекрасное приобретение.

«А ведь и верно, – подумал Лёшка. – Лучше предоставить всё это дело профессионалам, не зря же в самом начале их разговора Марку упомянул и про свою мастерскую, и про имеющуюся у него артель стекольщиков». Ну что же, как говорится, «доверимся профессионалам от начала и до конца». Теперь осталось только обговорить «техническое задание» по застеклению, сроки и цену всей установки окна в доме. Итоговая сумма вышла немаленькая, и составила она почти половину его месячного офицерского жалованья. Но Алексей был к этому уже готов и, достав свой кошель, выложил на прилавок три серебряных рубля с профилем императрицы и ещё одну полтину.

– Остальная половина будет после того, как вы всё сделаете!

– Да, конечно, господин! – согласился Марку. – Не извольте беспокоиться, уже в понедельник ваше окно будет сиять со стены, а все соседи с улицы будут вам сильно завидовать! Вэли, пойдёшь с господином офицером и всё там самым тщательным образом замеришь, – наставлял он сына. – Насколько сам оконный проём на стене расширить, по стыкам всё хорошо погляди, как их там лучше будет ладить, и про наличники тоже не забудь! Ну, да ты и сам всё хорошо знаешь.

– Петру, я хотел бы, чтобы в комнате у моего человека, на стене, выходящей на улицу, было бы большое и светлое застеклённое окно, – обратился к хозяину того дома, где лежал Афоня, Егоров. – Вот этот человек, если ты не против самой переделки, хотел бы здесь всё замерить, ну а потом под его руководством пришла бы столярная артель и всё здесь как надо сработала. Ну и как ты, сам-то не будешь против?

Пожилый валах непонимающе уставился на русского офицера:

– Господин, у меня нет таких денег, да и не будет их никогда! Эти-то мои, слюдяные, окна мне в своё время стоили аж половину от всех овец. А их у меня раньше было гораздо больше, чем вот теперь. И даже тогда я о настоящих стеклянных окнах и мечтать-то даже не мог!

– Не волнуйся, Петру, окно тебе поставят за счёт русской армии, и оно останется здесь даже после того, как мы от вас съедем, обещаю, – успокоил валаха Егоров. – Вы с хозяйкой, главное, не волнуйтесь и простите нас за то некоторое беспокойство, которое вам совсем скоро придётся понести. Очень надеюсь, что оно продлится у вас недолго.

Вечернее построение особой егерской роты проходило как обычно. Сначала была переличка по плутонгам, затем проверка внешнего вида, амуниции и оружия. Замечания, выявленные при построении, командирами плутонгов и отделений брались на контроль с последующим докладом об их устранении уже полуротным обер-офицерам. После этого были общие вопросы и оглашение всего того, чем личный состав роты должен был заниматься на следующий день. На завтра, в воскресный день, грандиозных планов Алексей не строил. Побудка состоится на час позже, затем утреннее построение, приборка, и до вечера у егерей будет целый день отдыха. Каждый мог выбрать для себя то, чем ему следует заниматься, по душе. Для тех, кто выходил в город, главным было вести себя благочинно и пристойно, быть аккуратным и не позорить высокое имя егеря отдельной особой роты главного квартирмейстерства армии. У всех, кто покидал расположение, были свои увольнительные бумаги, заверенные подписью ротного с приложенной к ней чернильной печатью. И теперь служивым были уже не страшны ни комендантские патрули, ни караулы пехотных полков или чужие придиричивые унтер- и обер-офицеры.

– У меня доку – умент, господин сержант, – гордо показывал патрулю бумагу с яркой синей печатью Андрейка Воробьёв. – До самого вечера он мне сегодня даден!

Строгий усатый унтер с осторожностью протянул её обратно солдату и, кхекнув, подкрутил свои седые усы:

– Стало быть, в порядке здесь всё, и печать их благородия, как ей и положено, на документе тоже имеется. А я чего остановил-то тебя, паря? Всех вроде знаю ваших, а тут гляжу, незнамо кто вот по энтой нашей улице-то идёт. Из молодых егерей ты, чё ли, будешь, родной, а-а? Да не-ет! – сам же себе он тут же и ответил. – А вон и хвост волчий на картузе-то у тебя нашит сбоку. Значится, не из кутят, выходит, ты, а ужо серьёзный, стреляный егерь-волкодав.

– Да вот уже с полгода, как я в особой роте. Опосля того, как перешёл в неё с орловского пехотного, – пожал плечами Воробей. – Ещё с того самого майского Туртукая, где мы с генералом Суворовым наголову турку разбили. А потом, стало быть, и Гуробалы были, и Карасу, и Селистрия, Кючук-Кайнарджи, Гирсово, – загибал он пальцы уже на обеих своих руках. – Ну и Варна эта, чтоб ей! Будь она проклята!

– Это да-а, – вздохнул сочувственно старший унтер. – Эко потрепало-то ведь наших тогда, осенью, под ней! Да и вам, я знаю, тоже тогда здо-орово досталось? А в Бухаресте-то вы и не были, почитай, совсем, аж чуть ли даже не до середины ноября ваши квартиры здесь у окраины пустовали. Вот оттого-то я, видать, и не углядел тебя среди всей вашей роты. Вы-то всё ажно с самой весны на своих дальних выходах с нашей полевой армией были. А ведь когда-то и сам я в походах под полковые барабаны ходил. От Астраханского пехотного, с капральства, да после тяжкого ранения меня уже сюды взяли, – и унтер с гордостью потёр на своей груди медаль за прошлую, прусскую войну. – Ну ладно, касатик, иди уже, куды и сам ты шёл, не задерживаю я тебя более. И Карпычу привет от меня передавай, скажи, что от Фотеича, из комендантских, уж он-то меня знает. Да и Цыган этот ваш, как его, Федька вроде? Тоже, чай, про меня не забыл, – и, усмехнувшись в усы, пожилой унтер повёл свой патруль дальше.

– ... Четвёртый плутонг в строю все, Ваше благородие! – доложил унтер Зотов.

– Дозорное звено, вашбродь, все на месте! – выкрикнул из головы строя капрал Лужин.

– Тыловая группа, в строю двое, ваше благородие, все остальные на подготовке к ужину, – отрапортовал командир тыловой группы Ёлкин.

Отсутствующих в роте не было, из увольнительных к месту расположения все возвратились вовремя и без замечаний, и командир егерей вздохнул с облегчением. В последнее время в Бухаресте было много лишней суеты. В армейскую ставку зачастило высокое начальство аж из самой столицы. Прибыло и продолжало прибывать немало офицеров из петербургских гвардейских полков, сановников и прочих всяких там титулованных особ. Российская империя готовилась поставить точку в этой затянувшейся кровавой войне, и следующий 1774 год непременно должен был стать победным. Это подсознательно чувствовали все, от рядового пехотинца и до генерала. А уж у «столичных» на это дело нюх был всегда особый! Ведь там, где светит виктория, – там обязательно будут ордена, чины и большие премиальные, и там будет возможность выделиться, блеснуть в глазах высоких сиятельных особ, а возможно, что даже и перед самой императрицей. Вот и фланировали сейчас высокие господа в центральных районах большого, чужого города, скучая и томясь без дела. А тут на тебе, простой солдатик идёт в своей егерской шинельке.

– Да как ты честь отдаёшь, мерзавец?! Почему сапоги у тебя не почищены и на штанах брызги от грязи?! Что за хвосты такие на картузе и почему букли, зараза, не накрутил! А коса у тебя отчего плохо напудрена?!

Да мало ли до чего может придрататься какой-нибудь заезжий ротмистр или, скажем, полковник, тем более под играющую в его крови черешневую палинку, сливовую цуйку или даже благородное французское, выкушанное в местной ресторации.

Но в этот раз пронесло, воскресный день тревог и волнений не принёс, и капитан-поручик Егоров приготовился распускать своё подразделение для принятия пищи.

– Рота, со вторника все построения на улице перед тем домом, где лежит наш раненый Афанасий! Леонид, пробей сигнал «к столу»! – Алексей кивнул барабанщику, и над городскими предместьями раздалась дробь барабанного боя. – Рота, для принятия пищи разойдись!

Глава 2. Понедельник

В понедельник в главном квартирмейстерстве армии, как обычно, царило большое оживление. Полковые начальники и командиры отдельных батальонов приезжали на доклад сами или же высылали на него своих заместителей. Тут проходили многочисленные плановые совещания и сборы по всем возникающим вопросам. Шла кропотливая штабная работа по подготовке к предстоящему этой весной наступлению.

Лёшка на такие высокие собрания штаб-офицеров вхож не был, чему, в общем-то, и сам был совершенно искренне рад. Его непосредственный начальник и куратор, барон фон Оффенберг, был уже месяц как в отъезде. Военная коллегия посчитала возможным перебросить со Второй армии часть полков на Дунай, и теперь Генрих Фридрихович на месте определял, какие силы будут достаточны для сдерживания турок под Очаковым и какие нужны для контроля огромной территории всего северного Причерноморья. А какие, стало быть, можно было бы и перебросить на юг безо всякого ущерба для северного направления.

Особого дела до роты Алексея пока что никому не было, и после традиционного доклада подполковнику Соболеву обо всех текущих делах в роте, и даже не выслушанный им до конца, он был выпровожен заместителем главного квартирмейстера из кабинета с дежурными словами:

– Гляди там у себя сам, капитан-поручик, главное, чтобы порядок у тебя в роте был и чтоб солдаты твои без дела бы дурью не маялись! А мне уже к Ивану Фёдоровичу пора, там из военной коллегии сразу трое шибко умных щёголей давеча прикатили, всё им совещания собирай и доклады в письменном виде подавай! Некогда мне с тобою тут, Егоров, нянчиться, там меня бригадир, чай, уж заждался! Скоро твой немец в Бухарест вернётся, вот со всеми своими вопросами ты к нему тогда и обратишься! – и штаб-офицер демонстративно начал собирать бумаги со своего стола.

Лёшка, поняв, что высокому начальству опять не до разговора о нуждах роты, вздохнул и, козырнув, вышел в коридор. Идти к главному интенданту без поддержки Генриха Фридриховича было, разумеется, бесполезно и даже, пожалуй, что очень небезопасно. И так его подразделение снабжалось по самому высшему разряду в армии. Тут как бы то, что сейчас и так уже есть, не пересчитали бы да не отняли! Яков Семёнович был человеком суровым и весьма авторитетным. А у особой роты егерей были перед ним свои старые грешки.

– Не-е, не пойду! – вздохнул Алексей, махнул рукой и заглянул в тот кабинет, где сидели армейские картографы.

Над широкими столами и расстеленными на них топографическими картами нависали два унтера, прапорщик и знакомый ему по давнему выходу под Журжу подпоручик.

– О, Алексей, только вот о тебе вспоминал! – воскликнул обрадованно высокий молодой офицер. – Как раз сейчас карту прохода на Балканы готовлю, ты ведь там ходил уже со своей ротой? У меня даже наброски твои и твоего Живана есть. Поможешь мне немного?

– Ну, если горячим чаем угостите, то почему бы и нет, – усмехнулся Лёшка. – Здравствуйте, господа картографы! Здорово, Серёжка! – И они обнялись с высоким подпоручиком, как самые близкие друзья.

Минут через пять, пока на печурке грелся большой чайник, Егоров с Милюткиным уже живо обсуждали окрестности Базаржика и крепостные бастионы османской Варны.

– А вот тут, Серж, я тебе уже ничем помочь-то и не смогу, – покачал головой Алексей, указывая рукой на горные районы южнее Шумлы. – Сам ведь знаешь, мы-то гораздо западнее, уже в самую глубину территории, на сербский Ниш заходили. А у тебя здесь всё основное направление только лишь в прибрежной двухсотвёрстной полосе идёт.

– Да-а, – покачал головой Милюткин. – Мало сведений у нас по балканским проходам, а на трофейных картах так и вообще ничего не понятно, ни тебе там привязки к местности, ни чётких расстояний между селами и городами. Так, скорее наброски какие-то, а не настоящие карты.

– Ничего, Серёг, у нас же есть такая армейская традиция: пока русская пехота своими ногами всё не измерит, мы и знать-то ничего о той местности не будем, – улыбнулся Егоров. – Зато вот сейчас нам по прусским, польским и по крымским землям всё теперь известно, а сейчас вот и по местности у Днестра и Дуная хорошие карты имеются. Дай срок, всё до османского Андреанополя, а то и до Стамбула-Константинополя на свои карты нанесём! А вот здесь, посмотри, мостик нужно указать, – показал он на точку на карте севернее Варны. – Мы его в ноябре, правда, немного взорвали, прямо вместе с турецкой кавалерией, но там балки несущие все целые остались, восстановить его совсем недолго будет, а в обход идти далеко, всё везде заболочено, и вокруг сплошные лиманы.

– Во-от, уже хорошо! Видишь, не зря ты к нам сегодня зашёл, – улыбнулся подпоручик, делая пометку на своей карте.

– Значит, в сторону Бургаса двинем? – задумчиво посмотрел на Забалканское направление Егоров. – Давненько, наверное, ещё от былинного князя Святослава с тех самых пор здесь не ступала нога русского воина.

– Ты это смотри, я тебе ничего такого не показывал и ничего не говорил Лёш, – нахмурился Милюткин. – Ты хоть, конечно, и свой, квартирмейстерский, а всё же сам понимать должен: порядок он есть порядок. О том, что ты сейчас здесь видел, – никому! Пошли уже чай пить, у меня там кизилковое варенье есть и сушки к нему. Просто объедение, сам вот увидишь!

После картографов стоило ещё заглянуть к адъютанту главного квартирмейстера. С Митенькой у Егорова были традиционно тёплые отношения. Происходя из высокого княжеского рода, был он с егерем не заносчив, весел и весьма лёгок в общении. А уж его информированности можно было только удивляться. Порою казалось, что Митенька знал абсолютно всё!

– Заходи, Лёш, они минут как десять вот уже заседать начали. Теперь-то часа через два и никак не раньше с него выйдут. Уф, сколько суеты тут сегодня было, ты бы зна-ал! Чаёк-то попьём?

– Не-не-не, – отмахнулся Алексей. – Я вот только что у картографов две кружки его выпил, а ты же знаешь, какие они у них там громадные!

– Уф, – фыркнул адъютант. – Ну что ты пример с безвкусицы-то берёшь, Алекс? Какой у них там чай может быть – кирпичный, небось, кяхтенский, из сибирского санного завоза? Его сначала топором мужики откалывают, а уже потом обухом плющат и в железном чайнике заваривают. А вот этот вот чай так ча-ай! Вот это я понимаю! Чёрный, с тонким, богатым ароматом, от Британской Ост-Индской кампании. – И, невзирая на протесты Егорова, он налил из небольшого фарфорового чайничка этот благородный напиток в две небольшие чашки. – И обязательно в него молоко добавляй, вот оно в молочнике, и уже заранее гретое. Приучайся к хорошим манерам, Алексей, война скоро неизбежно закончится, и тебе нужно будет уметь себя в высоком обществе держать. Как-никак кавалерское положение обязывает, – и он хитро подмигнул Лёшке.

Тот аж поперхнулся:

– Да брось ты, Мить! Рано ещё об этом говорить, тут вон единицы даже из высших штаб-офицеров этого самого Георгия имеют, куда уж мне там, такому маленькому, до них!

– Ладно, ладно, не прибедайся, маленький, – улыбнулся подпоручик. – Не буду я тебе более ничего говорить, сам уже скоро всё узнаешь. Скажу лишь только, что на рождественской неделе большой приём при главном штабе у их высокопревосходительства, генерал-фельдмар-

шала Румянцева Петра Александровича готовится. И тебе там надлежит самолично быть, при всём своём параде! Ну, смекаешь?

– Хм, – неопределённо хмыкнул Алексей, – а ещё какие новости скажешь? Ты, я знаю, Мить, обо всём и всегда ведь здесь один лишь только сведаешь.

– Ну а то! – гордо усмехнулся подпоручик. – Что нас тут, запросто, так, что ли, при самом главном штабе держат? Ла-адно, слушай давай, а то ты там в этих своих предместьях у озёрного леса совсем, я уж гляжу, одичал! Во-он, точно как настоящий волк сам стал, – и он кивнул на нашитый хвост лежащего на скамье егерского картуза.

– Волкодавами нас в армии называют. Потому что мы тех волков бьём, – поправил его Егоров.

– Что? – не понимая, переспросил его собеседник, а потом уже, как видно, прокрутив в голове ответ егеря, утвердительно кивнул: – Ну да, точно, у вас же с турецкими волками там свои какие-то особые счёты имеются. Хорошо, пусть будут волкодавы, суть с того всё одно не меняется, я тебя, Алексей, вижу-то от силы раз в неделю, и то по понедельникам, а тут у нас каждый день что-нибудь новенькое да происходит. Ладно, по людям из высшего светского общества тебе говорить всё равно будет впустую, ты вон этим даже и не интересуешься совсем. Скажу только, что в последнее время их великое множество понаехало из столицы. Вон, только князей Гагариных аж трое недавно прибыло, и все они в гвардейских полках ранее служили. Оболенских и Лопухиных по двое, а ведь каждому из них славы и чинов высоких подавай. Не знаю, где и столько мест при наших-то войсках для этих вот теперь наберётся. Похоже, что все вакансии до батальонного, а то даже и до ротного уровня вскорости этими гвардейскими заполонят, у них-то по старшинству, чай, уже сама выслуга идёт. Вот и ходу тем нашим армейским офицерам, что всё эту войну свою лямку тянули, и вовсе даже не будет, всё эти хлыщы у них перехватят, – ворчливым тоном и явно услышанное из чужих уст пересказывал Митя. – А они-то, наши армейские, ведь и сами на такое продвижение надеялись! Мы-то все тут уже в избытке пороха успели понюхать!

– Это да-а, довелось, – усмехнулся Лёшка. – Под Кагул бы всех этих щёголей, да в штурмовые колонны. А опосля на три года в гарнизон Журжи на одну бы солонину да сухари.

– И не говори, – махнул рукой адъютант. – А наглые-то какие они, Алексей! Меня уже раз пять тут пытались во фрунт построить! Дескать, я устава и порядка службы вовсе не знаю! Шаркуны парадные!

Митенька потрянул в возмущении головой и продолжил рассказ:

– Но, судя по всему, за турок теперь решили взяться всерьёз. Дальше с ними вести войну нашей державе уже, видно, совсем невмочь. Казна-то, говорят, и вовсе пустая, рекрутские наборы множество работных людей подобрали, с каждого из десяти дворов вон за это время по солдату ушло. Новые подати пока более не введёшь, народ и так вон всюду бузит и бунтует. У нас всё Поволжье и Урал теперь огнём полыхает, Емелька Пугачёв губернский Оренбург осадил. К нему народа тьма сбегается, и даже из центральных губерний на подмогу потоком простолюдины идут. Самозванец грозит Казань взять, а потом и на Москву идти! Тут турок надо воевать, а приходится целые полки против него отправлять. Сам слышал от канцелярских, что в циркулярах и высочайших рескриптах нашему командующему твёрдо указывают, непременно надобно в наступающем году войну полной викторией завершить. Тем паче что и османам тоже вовсе даже не сладко. Флота они военного лишились, все полевые армии у них в этом году были разгромлены, новое вооружение потеряно, а в стране царит смута. Сразу несколько провинций сейчас у турок бунтуют. Так что нужно ещё одно усилие, и султан сам запросит мира. Ну а дабы наш Пётр Александрович смелее бы и решительнее был, вот тут-то ему в пристёжку и приставлены самые высокие сановники из столицы. Будут они его вдохновлять и настраивать, чтобы он опять, как прежде, не мудрствовал: «Шаг вперёд и два назад». На ударные наши дивизии, коим теперь предстоит османов сокрушить, ставят самых решительных

командиров: Салтыкова, Каменского, ну, и, разумеется, твоего любимчика Суворова. Похоже, всё ж таки ты с ним, Алексей, пожалуй, что и прав был, – признался Митя. – Хорошо он себя в компании этого года проявил, два раза вон штурмом Туртукай брал. Под Гуробалами и вовсе турок наголову разбил. Георгия второй степени вон за это получил. Сама императрица настояла, чтобы его в предстоящем наступлении во главе целой дивизии поставили. А у нас-то его, похоже, совсем недооценили, а всему виной его независимый нрав, резкость и вызывающее, не манерное поведение.

– Ничего, ничего, привыкайте, ему ещё долго предстоит блистать и к большой славе наши войска вести, – улынулся Алексей. – Такие люди, как Суворов, они ведь никогда, Мить, скучными не бывают!

– Вот откуда ты это знаешь, Алексей? – удивлённо покачал головой Митя. – Порою так уверенно что-либо эдакое говоришь, как будто бы тебе наперёд это уже всё и давно известно! А потом глядь, а ведь и правда, всё в точности по-твоему сбывается!

– Да брось ты, Дмитрий Александрович, ну чего я тебе такого сказал? – чуть не поперхнулся Егоров. – Просто необычный он такой, действует вон всегда решительно и уверенно, а не по шаблону, как многие. Всю армейскую службу из нижних чинов и вот до самих генералов прошёл, грамотный опять же, и разум у него весьма быстрый. Вот я и думаю, что такие люди, они ведь в забвении никогда долго не могут быть. Ты вот лучше мне расскажи, показывал кому-нибудь свой трофей, может быть, тебе ещё чего интересного надобно приглядеть? – Лёшка постарался побыстрее отвести от весьма скользкой темы собеседника.

– Да-а, твой подарок, конечно, шикарный, Лёш! Мне тут многие уже на него позавидовали! И даже перекупить пытались! – адъютант мгновенно переключился, и далее беседа пошла уже по безопасному руслу.

– Ну, показывайте, чем вы тут всё это время занимались, пока остальные на учебных полигонах обильный свой пот проливали? – Алексей стоял в дверях большой мастерской Шмидтов и с интересом оглядывал её. От верстака с тисками только что-то живо обсуждавшие трое егерей в надетых кожаных фартуках и в налокотниках разом подняли головы.

– Здравия желаем, вашблагородие! – разглядев командира, вытянулись по швам ротные умельцы.

– Прошу проходить, господин капитан-поручик, – Курт неодобрительно посмотрел на Кудряша и покачал головой.

– Что, опять Ванька калитку за собой не закрыл? Эх, ты и растяпа, Ковалёв, утащат у вас так все железки! – Лёшка подошёл к длинному слесарному столу с разложенными на нём инструментами, какими-то трубками, деталями и многочисленными приспособами.

– Да я вот только за водой давеча к колодцу уличному выходил! И ещё ведь было хотел туды же идтить, а здесь вот придержать ствол Ваське надобно стало, – растерянно хлопая глазами, оправдывался здоровяк и потом, глубоко вздохнув, виновато опустил голову.

– Ладно, будем считать, что вы меня здесь так рады видеть, что вон, даже загодя и двери перед моим приходом распахнули, – усмехнулся Лёшка, присматриваясь к недлинному ружейному стволу, зажатому в слесарных тисках. – Так-так-так, и что это у вас такое? – Он с интересом заглянул в его дуло и даже чуть просунул, провернув в нём, мизинец. – Наре-езы?! Однако! – И, проведя рукой по стволу, дошёл до заводского клейма, выбитого у замка. – Вы что это, братцы, австрийский штуцер где-то раздобыли? А ну-ка, давайте рассказывайте, чего это вы, словно девицы на посиделках, теперь-то тут мнётесь?!

Курт вздохнул, ещё раз укоризненно посмотрел на Кудряша и, пожав плечами, пододвинул к зажатому в тисках стволу несколько железок, в которых Лёшка без труда угадал составные части ударно-кремневого замка.

– У деда Отто быть несколько сломанный штуцер. Вы, господин капитан-поручик, это тоже должен знать.

Алексей утвердительно кивнул головой. Ещё бы ему того не знать! Ведь именно благодаря усилиям покойного мастера его егерская команда в своё время и пополнилась отличным нарезным оружием, а у них с Куртом именно тогда-то и началось знакомство. И с Анхен... И у Лёшки кольнуло от горьких воспоминаний в груди.

– Дед сделать всё что суметь и собрать из всех, какой был негодный, хороший оружий. И этот оружий теперь отлично стрелять в роте, – продолжал свой рассказ Шмидт. – Но остаться несколько совсем негодный штуцер, один железный слом, э-э... сломан... совсем всё плохой, – и оружейник, кивнув на заваленный ружейными запчастями верстак, горько вздохнул. – Мы очень стараться и делать всё что суметь, но это есть очень и очень трудный задача. – Он погладил с любовью дуло штуцера. – Один ствол есть очень корош, чуть-чуть подделать его, и он стать совсем как новый. Но вот его замок собирать есть очень трудный задача, там есть много мелкий деталь, и мы даже немного их делать сами.

– Ну, ты даёшь, Курт! – восхитился Егоров. – Даже дед не стал браться за такую трудную работу, а ты вот на тебе – всё же решился! Да не качай ты головой, если уже взялся за это дело, то постепенно всё сделаешь! Уж я-то тебя, твердолобого, хорошо знаю! Может, что-нибудь от меня здесь надо, ты только скажи?

– Найн, – покачал тот головой. – Только время. Всё есть, и мы много уже делать сами. Совсем скоро всё начинать собирать. Нет только ещё одна пружина на сам замок, но очень скоро нам её принести, и тогда мы делать весь механизм дальше. А потом будем собирать весь штуцер и испытать на полигон. Деревянный деталь у нас совсем готов, – и он достал из большого сундука красивое ореховое ложе с удобным гладким цевьём и массивным прикладом.

– Может, вам, братцы, деньги нужны?! Да само собой, нужны, ведь все эти запчасти таких деньжищ стоят! – воскликнул Егоров и полез за кошелём.

– Найн, найн, найн! – энергично замахал рукой Курт. – Мы хотеть всё делать сами, только оружейник егерский рота! – заволновался немец, путая от волнения слова. – Это наш личный презент, для особый солдат. Мы делать штуцер ему лично, чтобы он захотеть жить, – сумбурно объяснял Шмидт.

– Что вы хотели сделать и кому? – не понял Лёшка, в недоумении оглядывая всю троицу.

– Афанасию, ваше благородие, – подключился к разговору Василий. – Ну чего он там лежит в этой своей тиши как неприкаянный? А так поставим мы ему в избу штуцер да перед этой евойной лежанкой, вот, глядишь, у парня-то и какой антирес тогда к жизни появится. Егерь всё ж таки ведь он, а каждый егерь, он чего? Он прежде всего хорошее оружие любит. А какое же ещё может быть из оружий лучшнее, чем вот это вот винтовальное ружжо? – словно маленькому, растолковывал офицеру такую простую истину солдат.

Алексей оглядел внимательно всех троих и улыбнулся:

– Добро, братцы, хорошее дело вы задумали, Бог вам в помощь! Только поторопитесь, пожалуйста, если, конечно, можете, ваш штуцер как раз бы сейчас в самую пору пришёлся!

Глава 3. Занять своё место в строю!

– Громче сигнал бей, Леонид, громче! – крикнул барабанщику заместитель командира роты.

– Быстрее, быстрее все в строй встали! – торопили капралы и унтера своих солдат, создавая два больших четырёх шереножных прямоугольника на улице. А барабан в это время грохотал громкой дробью.

– Рота, равняйся! Сми-ирно! – рывкнул Живан, оглядывая замерший строй. – Господин капитан-поручик, отдельная особая рота егерей главного квартирмейстерства армии на утреннюю поверку построена! Докладывает заместитель командира роты подпоручик Милорадович. Разрешите приступить к переключке и к проверке внешнего вида?

Алексей оглядел весь строй и поднёс ладонь к картузу:

– Здравствуйте, егеря!

– Здравья желаем, вашбродь! – разом рывкнули более сотни солдатских глоток.

– Приступайте, господин подпоручик! – Алексей кивнул Милорадовичу.

– Командирам полурот выйти из строя, приступить к переключке! – отдал команду Живан, и перед строем своих половин вышли подпоручик Гусев с прапорщиком Хлебниковым.

– Младший сержант Зубов!

– Я!

– Капрал Опарин.

– Я!

– Рядовой Ильин.

– Я!

– Рядовой Милушкин!

– В карауле! – донёсся отзыв его капрала.

– Рядовой Мальцев!

– Раненый, на излечении! – донёсся голос начальствующего над всеми вестовыми капрала барабанщика.

– Рядовой Лопухов!..

Через двадцать минут после окончания проверки личный состав роты был отпущен на приборку и помывку. С этого же места ему затем следовало делать традиционную утреннюю пробежку, а потом уже расходиться под сигнал барабана на принятие пищи.

– Это место нам теперь вместо плаца будет, – объяснял своим младшим командирам Егоров. – Сам понимаю, что тесно здесь, но вы уж потерпите, братцы. Вон, Потап Савельевич и так сколько только мог со своими всю эту улицу разровнял, да и грязи такой сейчас здесь нет, как ранее. Декабрь всё вокруг лёгким снежком покрыл, да и земля нынче твёрдая, без той намеси, в какой мы только что вот совсем недавно тонули.

Унтера косили глаза в сторону большого блестящего окна на стене дома напротив, что выходил прямо к ним на улицу, и дружно кивали головами:

– Да нам-то и здесь удобно, вашбродь! Чего тут мы, не понимаем, что ли, всего?! Было бы только, куды встать, а уж мы-то там постро-оимся!

На третий день, в четверг, в окне мелькнула тень, постояла там несколько минут, а затем пропала. В пятницу она задержалась подольше, а в субботу, в послеобеденный развод на баню, голова зрителя из окошка не пропадала уже совсем.

– Глядит Афонька, смотри-ка, глядит, – шептались егеря, кивая на огромное блестящее окно.

– Разговорчики в строю! – рявкнул Живан. – Самые болтливые plutонги в последнюю очередь у нас в баню пойдут. Только не жалуйтесь потом, что вам опять там пара на всех не хватило!

– Ваше благородие, господин капитан-поручик, дозволейте доложить? – попросился вечером к ротному Василий.

– Да заходи ты в комнату, чего в сенях-то стоишь, холодно, вон дом застудишь. Мируна, это ко мне, – успокоил он хозяйку дома, пропуская позднего визитёра на свою половину. – Что там у вас в мастерской стряслось, давай уже не тяни – рассказывай!

– Никак нет, ваше благородие, у нас там всё в порядке, – успокоил его рядовой. – Старший оружейной команды фурьер Шмидт послал меня к вам доложить, что, стало быть, штуцер у нас весь уже в сборе. Мы вот только его ложе вторым слоем лака покрыли. К завтраму, к утру, как только лак на дереве совсем застынет, его уже тогда можно будет в энто самое дело пускать.

– Вот так да-а! – протянул радостно Лёшка. – Всё-таки сумели его сладить мастера? И что там, неужели всё как надо работает? Вы уже и испытали его, небось, признайтесь, не смогли удержаться?

– Так точно, ваше благородие, бьёт он отменно! – тряхнул головой Василий. – Каждый стрелок, он, конечно же, под себя любое ружжо пристреливает, но и так уже понятно, что всё в ём очень даже хорошо работает. Мы ведь эту механизму замка раз пять, а то, небось, и все шесть, пожалуй, по винтику разбирали да собирали, пока всё в аккурат там не стало работать. Даже не сумлевайтесь, вашбродь, ни в жизнь не подведет он нашего Афоню! Не хуже заводской сборки штуцер теперь будет работать!

– Да я и не сомневаюсь, – улыбнулся Егоров. – Молодцы, сразу видно – мастера от Бога! Говорите, завтра уже к утру его можно будет в дело пускать? Ну, вот и давайте тогда на первое утреннее построение вы его с собой и возьмёте. Как раз там воскресенье будет, людей мы до вечера распустим, а сами все вместе зайдём к Афоне да навестим его прямо в избе.

– Есть, понял, ваше благородие, – кивнул Василий. – Завтра с утра мы его, значит, с собой приносим. А как вручать-то его Афоньке будем? Он же ведь даже и носа пока на улицу не кажет и не разговаривает покамест ни с кем?

– Да мы и не будем с этим спешить, – покачал головой Егоров. – Как его душа сама пожелает, так пусть и будет. Всё сами вскоре увидите. У тебя, Василий, ко мне всё?

– Так точно! – вытянулся егерь. – Разрешите идти к месту постоя?

– Ступай, а Курту передай, пусть он теперь грендами основательней займётся. Если вам там от меня какая помощь нужна будет или чего из материала вдруг закончилось, то пусть он всё, в чём только потребность имеется, подробно на бумаге изложит. Нам тех гранад много на весну и на лето понадобится, а вам их вон теперь, приходится ещё и все разные ладить.

– Есть передать старшему про гранады! – козырнул рядовой и нырнул в ночную темень.

– Афонь, я к тебе сегодня с гостями, – Егоров зашёл в светлую комнату, где горело аж три больших масляных светильника.

– Во-о, погляди, как светло-то у Афоньки тут стало, а вскоре, как на улице, совсем рассветёт, тут прямо-таки как в танцевальной зале у господ будет, – пробасил Кудряш, кладя на табурет кулёк с сушёной хурмой. – Это тебе сладенького, братец, на-ка вот, откушай на здорovyчко.

– Фузей твой я тебе больше не отдать, – строгим тоном выговаривал больному Курт. – Но взамен оставлять вот этот винтовальный ружей, – и он приставил возле кровати блестящий смазкой и отсвечивающий тёмно-жёлтым лаком цевья и приклада штуцер.

Афоня молча, ничего не говоря, глядел на посетителей, затем перевёл взгляд на новое оружие и его губы дрогнули:

– Спасибо вам, братцы, – он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Пошли, пошли, ребятки, пусть полежит в тишине, а то вы словно медведи к нему вломились, – Лёшка подтолкнул рыжего Василия к выходу. – Иди, тебе говорю, пусть он спокойно отдыхает!

Прошло воскресенье, за ним понедельник, вторник.

– Ну что я хочу тебе сказать, голубчик, – Дементий Фомич снял с носа массивные, без заушных дужек очки и подслеповато прищурился. – За эти десять дней, что прошли с нашего прежнего разговора, подвижки в душевном здоровье вашего егеря определённо имеются. Особенно они для меня стали заметны вот за эти последние три дня. У твоего солдата, Алексей, появился аппетит, и вчера он у хозяйки, насколько мне стало известно, даже добавки попросил. Две миски каши с мясом он разом сумел съесть. Это я к тому, что его раньше чуть ли не насильно принимать пищу заставляли. По комнате он потихоньку ходит, на вопросы пусть пока и с неохотой, но всё же отвечает. Конечно, не всё здесь так радужно. Слабость у него большая имеется, немощен уж он больно, да и как только я начинаю его расспрашивать о былой службе и к его давним воспоминаниям обращаюсь, то он сразу же в себе замыкается и молчит. Всё-таки нужно его поддержать весь этот месяц в постели и ещё внимательно за ним тут понаблюдать. Очень может быть, что это лишь его временное облегчение. Произойдёт с ним какое-нибудь волнительное событие, и кто знает, а вдруг у него и вовсе тогда рассудок помутится? Современная наука ещё слишком слаба в таких тонких материях, как человеческое сознание. Для нас это скорее пока лишь, по сути, философские понятия, и к врачебной практике они ещё совсем мало касательства имеют. Во как! – И гарнизонный врач поднял со значением вверх указательный палец.

– Да, да, да, – покачал головой Егоров. – Человеческая душа и его мозг потёмки, и похоже, что они ещё долго таковыми оставаться будут.

– Именно так, – согласился Дементий Фомич. – Но, однако, что касается вашего егеря, Алексей, то, признаться, приятно удивлён всеми теми улучшениями, которые я у него уже сейчас наблюдаю. Удивительно, но похоже, что вам всё-таки удалось дать его сознанию некий толчок вот всеми этими вот материальными вещами и особенно той заботой и вниманием сослуживцев, которыми вы его здесь окружили. Похоже, что вам удалось переключить его душевный настрой с угасания, напротив, на здоровый интерес к жизни. В моей практике я такое пока не встречал, да и не слышал даже об этом. Должен признаться, что медицина, а уж тем более полевая, армейская, от всего этого весьма далека. Нам бы научиться хорошо раны да телесные хвори людские лечить. Каждый день ведь десятки солдатиков на погост от лихорадки да от натужных болезней сносят. Ну да ладно, загостился я тут у вас. Пойду. Мне ещё лазарет в Выборгском пехотным надобно будет проверить, там вот уже вторую неделю солдатики животами мучаются. И всему этому виной, похоже, что, гнилая вода будет.

Алексей, провожая врача на улицу, аккуратно вложил ему в руку целковый.

– Возьмите, возьмите, Дементий Фомич, и даже не пытайтесь отказаться, – пресёк он попытку того отклонить подарок. – Вы и так столько времени уделили моим солдатам, и все они уже в строй, кроме Афанасия, вернулись. Глядишь, придёт час, и этот мой егерь тоже поправится. Примите Бога ради, не обижайте!

Среда, четверг, пятница, – отбивались барабанным боем построения на окраинной Бухарестской улице.

– Господин капитан-поручик, отдельная особая рота егерей главного квартирмейстерства армии на утреннюю поверку построена! Докладывает заместитель командира роты подпоручик Милорадович. Разрешите приступить к переключке и к проверке внешнего вида егерей? – обратился с традиционным вопросом к Егорову Живан.

По полуротным шеренгам пошло шевеление и раздался шёпот. Любой настоящий командир всегда очень чутко ощущает настроение вверенного ему воинского подразделения, особенно если он настоящий командир и хозяин. Алексей был настоящим. Он насторожился и боковым, периферийным зрением отметил какое-то движение сзади.

– Ваше благородие, дозволейте занять своё место в строю! – раздался низкий и глухой голос.

Перед Егоровым, вытянувшись по стойке «смирно», стоял Афанасий Мальцев. Егерское его обмундирование висело на нём, словно бы взрослое на мальчишке-переростке, натянувшим на себя отцовский кафтан. Лицо было исхудавшим, глаза впалые, а выбивающиеся из-под накрученных буклей волосы были одного с ними цвета. Они были совсем белыми, седыми. Австрийский штуцер оттягивал на ремне плечо, и было видно, что для этого солдата он очень даже тяжёлый. Но глаза, главным во всём этом были его глаза! В них горел живой огонь и читалось желание жить, а это сейчас было самым главным! Кости, как говорится, есть. А мясо? Ну, а мясо, оно ещё нарастёт, лишь бы человек этот был духом крепок.

Капитан-поручик, резко вскинул ладонь к головному убору и хрипло скомандовал:

– Рядовой Мальцев, занять своё место в строю!

Глава 4. Рождество

Рождество на Руси традиционно считалось одним из самых главных праздников. Хозяева к нему непременно самым тщательным образом убрали избу, мылись сами в бане, стелили чистые половики и скатерти. К этому празднику припасали новую одежду и обувь, которую и одевали перед самой заутренней службой в храме.

В России-матушке этот день проходил под звон церковных колоколов, и сопровождался он массой всевозможных традиций. С утра ни в коем случае не пили простой воды – дабы потом целый год не мучиться жаждой. Ножки стола обязательно между собой связывали – чтобы скотина от хозяев не убегала. Под страхом напастей и всяческих бед ни в коем случае ничего не сгибали, не плели и не шили. Во дворах крестьянские семьи жгли соломенные стога. Все домочадцы стояли вокруг и в благоговейном молчании ожидали, пока солома в них не сгорит полностью. Ведь по древнему поверью умершие души предков в это самое время приходят к родовому огню, зажжённому их потомками, чтобы с ними погреться, и несут они своим живым родичам всяческие блага и плодородие.

Днём, после утреннего богослужения, священники обходили дома своих прихожан и славили Христа, прося для людей милости у Господа. Традиции церковные в этот день тесно пересекались со старинными, старославянскими, хотя многие древние, пришедшие из глубины веков обычаи официально, мягко говоря, конечно же, не приветствовались. Но праздник есть праздник, и власти закрывали на всё это глаза: пусть народ отдохнёт и повеселится, ведь впереди у него было работы, как говорится, непочатый край! До самого Крещения на Святках шли колядки, гадания, обильное угощение и большое веселье.

В армии войсковое начальство тоже в это время давало возможность отдохнуть и попраздновать военному человеку. Лишь бы всё это было под контролем, без чрезмерного пьянства и дури. Провиантмейстеры выдавали повышенный порцион для солдатских артелей. В полковые кассы из казны спускалось жалование по представленным спискам личного состава. Далее уже деньги распределялись по ротным писарям, которые и вели его непосредственную выдачу всему рядовому и унтер-офицерскому составу. Жалованье у солдатиков было небольшим, за многое у них вычиталось, приличные суммы откладывались в артели, но на то, чтобы погулять рождественские праздники, всё равно всем хватало.

– Та-ак, Яшин Иван Фёдорович, рядовой шестого отделения, третьего plutонга, – зачитал фамилию из лежащего перед ним списка ротный писарь Осипов. – Емельян Архипович, ну чего ты, приглашай сюды своо солдата. Всё, этот у вас самый последний по всему списку plutонга.

Унтер Сорокин выглянул из двери, где происходила выдача жалованья, и громко выкрикнул:

– Ванька, а ну, давай сюды поскорее бяги, чего ты там, у энтого плетня жмёшься? Все наши уже деньгу свою получили, один ты только остался!

Невысокий худенький егерь, робко переступил порог и встал возле стола, за которым сидел писарь и командир полуроты.

– Так, Яшин, ты у нас без году неделя в егерях, только вот недавно из пехотного полка сюды перешёл, потому не удивляйся, что тебе меньше, чем всем другим, жалованья получать, – важно пробубнил Павел Фомич. – Позже, после всех этих праздников ко мне зайдешь. Прощение с тобой мы составим, дабы твои остатки от жалования в Ингермаландском пехотном сюда бы, к нашей выдаче передали. Вот он, твой рубль семьдесят, и это уже за саму егерскую службу тебе к выдаче причитаются, – и писарь выложил перед рядовым большой серебряный кругляш с профилем императрицы, полтину и ещё два гривенника. – Расписывайся вот здесь, –

и он, поставив на разлинованном листе со столбцом фамилий жирную галочку, вложил обмакнутое писчее перо в руку рядовому.

Ваня долго сопел и, наконец, прицелившись, нарисовал жирный крест, умудрившись его ещё при этом размазать и поставить рядом большую кляксу.

– Да ёшки-матрёшки, экий же ты увалень, Яшин! – в сердцах бросил Осипов. – Весь канцелярский формуляр мне разом попортил!

– Да ла-адно, он ведь грамоте-то не обучен, Фомич, ну чего ты ругаешься, – усмехнулся Хлебников. – Ничего, совсем скоро, и полгода не пройдёт, не хуже прочих будет свою фамилию напротив в столбце формулярного списка выводить. Правда ведь, Яшин, будешь грамоте со старанием теперь учиться?

– Так точно, ваше благородие, – громко гаркнул Ванька. – Виноват, буду стараться!

– Ну, вот видишь, все такими, как он, раньше были, а сейчас даже и прошение многие могут самолично на гербовой составить. А кое-кто даже и простейшую съёмку местности делать обучился. Всеми своё время, и этого тоже всему научим. Ступай, ступай, Яшин!

– И дай-то Бог, – согласился писарь, присыпав песком из посудинки чернильную кляксу и размазанный крест. – Всё, ваше благородие, с третьим плутонгом мы закончили, последний теперь, четвёртый у нас только остался. А потом только оружейники и тыловая группа. Может, сразу закончим, чтобы нам до ужина потом не возиться?

– Давай, – махнул Славка. – Емельян Архипович, с твоими у нас всё, – обратился он к стоящему у входной двери унтеру. – Зови себе на смену Зотова. Пусть теперь он своих егерей на получение жалованья представляет. А ты, как мы и обговаривали, проследи, чтобы порядок в плутонге был, сам ведь разумеешь, деньги выплачены немаленькие. Многие из старичков хорошие премиальные за последние бои получили.

– Так точно, господин прапорщик, – кивнул понимающе унтер-офицер. – Не извольте беспокоиться, мы вас не подведём! – И по кивку офицера вышел за дверь.

– Зотов, Зотов, Матвейч! Иди давай в избу быстрее, тебя там их благородия зовут, своих представлять на жалованье будешь! – донёсся его крик уже с улицы.

Алексей второй день готовил свою форму к высокому приёму. Пришлось существенно потратиться, дабы привести её в надлежащий парадный вид. Вроде и всё в ней было в порядке после того, как он забрал её от городского портного, но чего-нибудь да находилось, что-нибудь да требовало для особой подгонки или поправки. Назавтра к обеду в лучшей ресторации города «Bouillon» у Жозе Гастара главнокомандующий Первой Дунайской армии генерал-фельдмаршал Румянцев Пётр Александрович давал большой приём, и капитану-поручику Егорову было предписано там всенепременно быть. Дело это было нешуточное. На такие мероприятия чином ниже подполковника не приглашали, а тут какой-то обер-офицеришка, командующий егерской ротой. Но на то были свои причины, и о них Лёшка уже догадывался.

– Ваше благородие, мундир наглажен, сапоги начищены и смазаны. Чакчиры² мы как следует навохрили, – докладывал Потап Савельевич. – Завтра ещё раз все пуговицы до блеска натрём, чтобы они огнём на мундире горели, и вы у нас краше любого гхенерала будете! У парика тоже к обеду букли накрутим и косу как надо на нём выправим.

– Ваше благородие, извиняйте, что встречаю, тут вот ещё какое дело, – Карпыч, откашлявшись, мялся у порога. – Робята слышали, что у вас особенный гхенеральский приём назначен на завтра. И вот передали через меня вам кое-чаво. Хотели вроде ка, к вашим аменинам всё вот энто придержать, да зачем же тянуть-то теперяча?!

– Чего там такое? – Алексей с интересом посмотрел на переминающегося с ноги на ногу старшего унтер-офицера своей роты.

² Штаны.

– Да, вот это тут, вы же с их высокоблагородиями и с их превосходительствами будете в одной зале перед самым фельдмаршалом стоять? Они-то, чай, там все расфуфырятся в золоте да ещё и в шелках богатых, а у вас-то, у нашего командира, зато вона чего будет, и вовсе даже не хуже ихнего, – и он с важностью достал из-за пазухи своего мундира какой-то матерчатый свёрток.

Лёшка развернул шёлковый, расшитый золотом платок, из тех, что высокие османские сановники повязывают поверх поясного ремня. В его руках был тёмно-дымчатый с красивым голубоватым отливом, почти что чёрный волчий хвост. Эдакая необычная расцветка меха была крайне редкой. Один лишь раз видел Лёшка именно такой, на голове у командира элитной османской гвардии в виде его восточной шапки-малахая.

– С беслы? – и он пристально посмотрел в глаза Карпыча.

– Так точно, ваше благородие, – утвердительно кивнул тот. – Под Гирсово, када мы у реки их тысячу на себе держали, наши лучшие стрелки того волчьего гхенерала с его знаменосцем с их лошадей сбили. Ну вот, а наши ребятки уже опосля боя, когда трофеи на поле собирали, так там, видать, и натолкнулись на вот энту его шапку, да на такой вот ещё богатый платок. Вы уж не побрезгуйте, примите их подарок, Ляксей Петрович?

Лёшка мял пальцами шикарный мех. Действительно красивый и редкий был волчище.

– Ладно, Иван Карпыч, конечно же, я беру. Буду с ним на парадном мундире перед генералами красоваться. Нашивайте его на мой картуз, братцы!

Обстановка в ресторации «Bouillon» француза Жозе Гастара была шикарной. Все стены здесь были задрапированы штофом – шёлковой тканью с рисунком. Каждый из больших и малых залов и даже просто из небольших комнаток имел свою, неповторяющуюся в других помещениях расцветку. В большом зале, там, где сейчас стоял Алексей, на стенах был красный штоф с белыми лилиями, поверх него и в обрамлении больших окон шла изящная лепнина. В качестве декора здесь использовалось огромное количество зеркал в резных и массивных золочёных рамах. Залы освещали огромные роскошные люстры, бра и подсвечники. У стен стояли многочисленные античные скульптуры, статуэтки и другие декоративные предметы интерьера.

Пол был выложен лакированным наборным паркетом, а на потолке красовалась изящная плафонная живопись.

Да, в таких шикарных помещениях Егорову пока бывать не приходилось ни в той, ни в этой его жизни!

– Идут, идут! – пронёсся шёпот, и пошло движение по всему большому, заполненному людьми приёмному залу. Алексей стоял в самом его конце, в углу, с правой стороны от парадного входа. Здесь было очень тесно. Весь обзор перед ним заслоняли трое высоких и тучных штаб-офицеров. С левого бока его подпирали, и время от времени на него высокомерно поглядывали два хлыща в гвардейской форме. Как видно, им вообще было непонятно присутствие здесь молодого офицера столь низкого для этого приёма ранга. И, обсуждая Егорова между собой вполголоса на французском, они уже, похоже, разобрали по косточкам и его самого, и его армейский парадный мундир. Позади Алексея стояло только трое господ в чёрном штатском, бывших, по всей видимости, из местной валашской аристократии. Весь зал здесь был заполнен в основном мужчинами в военной форме. Впереди виднелось лишь несколько гражданских, судя по всему, из самых высоких чиновников дипломатического корпуса. Да присутствовало ещё с десятков разодетых дам, по-видимому, из жён господ генералов или сановников.

Оркестр, расположившийся в боковой нише, очевидно, по сигналу распорядителя торжественно ударил Преображенский марш. Под эту величественную музыку, родившуюся ещё при Петре-батюшке, перед приглашёнными вышел сам генерал-фельдмаршал со своей ближней свитой. Оркестр замер, и Румянцев громогласно, на весь зал продекламировал:

– Слава всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне императрице, Божией милости Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской!

– Слава! Слава! Слава! – отозвался сотнями голосами огромный зал.

– Наша армия утвердила знамя империи на берегах Чёрного моря, Днестра и Дуная. В многочисленных больших и малых битвах османское войско было побеждено и теперь трепещет в ожидании прихода на Балканы храброго росс, – несколько пафосно продолжил свою речь Пётр Александрович.

«Ну да, всё как обычно, мы самые сильные и храбрые, враг дрожит и от нас бежит, а мы всех очень скоро и легко победим, но вот только нужно ещё приложить немного усилия, и тогда всё непременно будет хорошо, бла-бла-бла», – думал Лёшка, не особо вслушиваясь в речь полководца. Перед глазами его сейчас стояли окровавленные бастионы Селистрии. Груды тел, умерших от болезней, сбрасываемых в глубокую траншею, а потом посыпаемых сверху известью. Густая грязь Варны, по которой два солдата канонира, упираясь, тащат своего безрукого товарища. И этот последний залп с галиота «Дунаевца», уходившего с русским арьергардом на левый берег.

«Алла! Алла! Алла!» – торжествуя кричат скачущие по берегу сипахи и палят в сторону судна.

«Отсальютуем османам на прощание! – кричит Кунгурцев и разворачивает галиот бортом к берегу. – Канониры, дальней картечью заряжа-ай! Орудия то-овсь! Огонь!»

– Верноподданные нашей государыни императрицы проявили высокое мужество и отвагу в боях с неприятелем. И сегодня я имею честь вручить Императорские Военные ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия пятерым нашим героям. Этот орден, утверждённый императрицей самолично и только лишь четыре года назад как высшая награда за личную доблесть в бою, имеет свой особый статут! – И фельдмаршал, развернув свиток торжественно зачитал: – «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом: но даётся оный тем, кои не только должность свою исправляли во всём по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличали ещё себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается».

Десять барабанщиков ударили дружно церемониальный марш «Честь», горнист протрубил сигнал «Слушайте все!», и к Румянцеву вышли пять офицеров в мундирах лейб-гвардии с лежащими на малиновых бархатных подушечках наградами.

– Прошу выйти для награждения полковника Батурина Петра Ивановича. Сей доблестный офицер, находясь в составе второй дивизии генерал-поручика Салтыкова примерно и храбро командовал Астраханским полком в кампаниях 1771 и 1773 годов. Участвовал в сражении при Ольтенице и в поиске на Туртукай. Колонна Петра Ивановича сыграла решающую роль в майском сражении, нанеся удар по лагерю противника, а затем захватила и сам город, очистив его совершенно от войск неприятеля. «...На всём протяжении штурма полковник Батурин поступал с отличным мужеством и с храбростью...»

Перед фельдмаршалом стоял крепкий моложавый полковник. Румянцев обнял его легко за плечи и нацепил покрытый белой эмалью золотой крест на чёрно-жёлтой колодке на широкую грудь кавалера.

– По традиции матушка-императрица присвоила нашему герою следующий по табелю чин бригадира!

Зал рукоплескал отважному командиру Астраханского полка.

– Ох, как удачно-то всё у Петра Ивановича случилось! Наш человек! Из Измайловских лейб-гвардейцев он в армию вышел. Помню его, давно, ещё в начале своей службы на разводах при дворцовых караулах я с ним встречался, – обсуждали награждение соседи слева.

– Полковник Михаил Николаевич Леонтьев! Под городом Браилов сей доблестный муж разбил неприятельскую конницу и принудил её бежать в крепость. При осаде Силистрии атаковал неприятельский ретраншемент и выгнал из одного с немалым уроном оборонявшихся турок. Несмотря на тяжкое ранение, был до самого конца баталии в строю и действовал там с примерной храбростью! – зачитал из наградного свитка Румянцев.

«Хороший командир, – согласился в душе с этой наградой полковника Лёшка. – Вместе с ним Нагорный редут Силистрии у османов забирали. Он ещё своих пехотинцев строил на его северных скатах, чтобы атаку неприятеля штыками отбивать. Сам слабый от потери крови, шатается, а перед шеренгой бодрится, стоит и кричит: “Не посрамим, братцы, русской славы, не отдадим сей бастион врагу!” – вспоминал эпизод недавнего боя Егоров. – Хороший воин, по заслугам ему награда!»

– Вот и Леонтьев уже в бригадиры скаканул, – вновь комментировали соседи. – Ну а что, как только сухопутный кадетский корпус закончил, так его сразу же и в поручики произвели, как-никак он ведь сын генерал-аншефа Николая Михайловича Леонтьева. В родстве с Нарышкиными и Паниными состоит и вообще даже племянник Румянцева. А ты что, Серж, не зна-ал?!

– Михаил Сергеевич Потёмкин! – вызвал для награждения очередного кавалера фельд-маршал.

«Ну всё, теперь ему тут точно все его косточки обсосут, – подумал с усмешкой Лёшка. – Как-никак дальним родственником Григория Александровича приходится, того самого, чья звезда только-только начала стремительно разгораться в этом году в далёком столичном Санкт-Петербурге. Хотя, с другой стороны, этот награждаемый ведь тоже родом из лейб-гвардейцев, кавалергардов. Глядишь, может, всё-таки и помилуют его».

– Секунд-майор, Байков Василий Сергеевич, прошу вас для награждения! – К центральному проходу из задних левых рядов протиснулся высокий крепкий мужчина в форме артиллерийского офицера.

– А этот пушкарь, сын полковника-то, куда? – качали головой соседи. – Он вот только в шестьдесят восьмом в штык-юнкеры был произведён, после окончания артиллерийского кадетского!

А Пётр Алексеевич уже зачитывал его наградной лист:

– За проворное и искусное действие артиллерии во время поиска на Цымбру, наипаче же при деревне Изласе, когда кавалерия наша была подвержена опасности, отбив и поразив неприятеля, совершенно рассеял его!

... – Для награждения приглашается! – генерал-фельдмаршал сделал небольшую паузу и затем начал быстро зачитывать из свитка: – Капитан-поручик Егоров Алексей Петрович, командир отдельной особой роты главного квартирмейстерства армии, за личную храбрость в поисках при Туртукай и Гурабалах, а также в сражениях при Силистрии и Кючук-Кайнарджи. За недопущение захвата неприятелем тела командира дивизии, генерал-майора Вейсмана, а также знамени Ширванского пехотного полка, где он многожды ранен был, но однако же не уступил неприятелю и воодушевил наши войска на атаку!

Алексей сдвинулся влево. Два гвардейских хлыща во все глаза таращились на худенького молодого офицеришку в этом его неброском зелёном мундире и даже не думали уступать место для прохода.

– Пардон, господа! – и, слегка ткнув локтем крайнего в поддых, он, проскакивая к проходу, разумеется, совершенно случайно наступил второму на всю его стопу, да ещё и с проворотом каблука. – Извиняйте, господа, ежели кого вдруг зашиб случаем, тесно здесь!

А главнокомандующий уже дочитывал наградную реляцию, и Егоров, проскочив по центральному проходу зала, шагов за шесть от Румянцева перешёл уже на строевой шаг. Дум! Дум! Дум! Дум! Хлопнули подошвы сапог по расстеленной красной дорожке.

– Ваше высокопревосходительство! Капитан-поручик Егоров для награждения прибыл! – на весь зал громко доложил егерь, вскинув руку к картузу.

– Вот это я понимаю, герой! – аж крикнул одобрительно пожилой полководец. – Отрадно видеть в этом зале вот такого молодца, – и его губы расплылись в широкой улыбке. – Только ты, голубчик, уже не капитан-поручик, а господин капитан, да ещё и со старшинством с переходом в следующий свой чин. Всё, как и прописано в положении к сей высокой награде. Носи её гордо, никогда не снимая! – и он приколот колодку на чёрно-жёлтой георгиевской ленте с золотым крестом к груди Егорова. – Поздравляю тебя, господин капитан!

– Благодарю покорно, ваше высокопревосходительство! – кивнул с достоинством Лёшка. Резко развернулся, да так, что аж волчий хвост хлопнул по его картузу, и, приложив руку к головному убору, он громко, на весь зал гаркнул: – Служу России и матушке-императрице!

Бум, бум, бум! – как и учили в «Рязанке», три строевых, яростных шага отхода, а потом уже обычными на своё место.

«Хлыщи» при приближении егеря резко дёрнулись вправо и освободили ему удобное место прямо у прохода. И правильно, топтать теперь никого не нужно! Егоров с прищуром глянул на гвардейцев, они мгновенно отвели от него свои взгляды и с каменными лицами принялись разглядывать затылки у впереди стоящих.

Ну, а приём продолжался далее. В качестве награды отличившимся военачальникам зачитывались высочайшие монаршие благоволения, объявлялось производство в новые чины от бригадира и старше. Шло перечисление заслуг высшего командного звена армии и отличившихся в боях частей. Наконец официальная часть приёма подошла к концу, оркестр сыграл марш преображенцев, и под барабанный бой фельдмаршал со свитой прошёл в один из боковых залов. В большом приёмном сразу всё перемешалось. Приглашённые сбивались в группки и живо обсуждали последние новости. Алексей чувствовал себя здесь как не в своей тарелке. Промелькнуло среди толпы несколько знакомых лиц, но все они были из высокого начальства и имели в своих собеседниках таких же, как и они, по рангу, а то и гораздо повыше. Он подошёл к стене, на которой были развешены картины неизвестных ему французских и итальянских художников. Живопись Франции переживала сейчас время расцвета и была представлена здесь множеством полотен, а владелец лучшего общественного заведения Бухареста, похоже, был большим знатоком современного изобразительного искусства. Алексей же в силу своей дремучести даже не мог отличить стили рококо от барокко или, скажем, того же ампира, он просто ходил и любовался красотой. В полотнах живописцев в основном преобладали светлые оттенки: розовые, голубые, светло-зелёные, зачастую в сочетании с золотом и серебром. Обращаясь к библейским и мифологическим сюжетам, художники создали нарядные, лёгкие и какие-то воздушные полотна, явно призванные услаждать самый изысканный вкус аристократической публики. Многие картины здесь были из пасторального жанра, изображая пастухов и пастушек, которые походили здесь не на реальных крестьян, а на переодетых в театральные костюмы дам и кавалеров. Возле одной из картин с изображением отдыхающей у ручья богиней охотницей Дианой Лёшка задержался, разглядывая довольно симпатичную девушку с луком и стрелами в руках.

– Ну конечно, где же ещё быть молодому егерю? Только там, где есть прекрасные дамы и оружие! – услышал он за спиной.

Алексей повернулся. Перед ним стоял тот самый артиллерист, который награждался Георгием прямо перед ним.

– Капитан Егоров Алексей, ваше высокоблагородие! – представился, как и положено в таких случаях, первым младший по званию. – Поздравляю вас с высокой наградой и с производством в очередное звание!

– Премьер-майор Байков Василий. Взаимно, Алексей, поздравляю тебя с кавалерством и с новым чином, – сделал лёгкий поклон артиллерист. – Экий ты ловкий, братец, так предста-

вился перед командующим да лихо отмаршировал, что аж у меня дух захватило! И правильно, знай наших! Мы, армейские, не хуже гвардейских шаркунов! Коли нужно, так тоже можем строевые приёмы показать! И это, давай на ты, безо всяких там высоко благородий? Будем вместе держаться, пока всякие там сиятельства нас не затоптали?

– Хорошо, Василий, будем! – улыбнулся Лёшка. Бравый и простой артиллерист сразу же пришёлся ему по душе.

– Господа, прошу вас пожаловать к столам! – громко выкрикнул распорядитель. – Георгиевские кавалеры, их высокопревосходительство Пётр Александрович ждёт вас в золотом зале!

– Ну что, пошли, Алексей? Не робей, не будем заставлять командующего нас ждать? – майор подмигнул Лёшке, оправил свой мундир и решительно, по самой середине красной ковровой дорожки, направился в сторону распорядителя. На его груди блестел новенький орден. Толпа, колыхаясь и звеня сотнями голосов, подалась в стороны, и кавалеры проследовали в главный банкетный зал. Он действительно был «золотым», всё вокруг под светом множества свеч сверкало яркой позолотой. Были вызолочены двери, мебель, оконные и зеркальные рамы с их затейливой резьбой, огромная изразцовая печь, поддерживающие свод потолка колонны и даже сами стены. На паркетном полу из морёного и высветленного дуба стояли обеденные столы, драпированные скатертью и изящно украшенные лентами. За один из таких, окаймлённый лентой в георгиевские цвета, офицеров и пригласили.

– Господа, хотел бы ещё раз всех вас поздравить со вступлением в кавалерство! – командующий привстал от своего стола и поднял хрустальный бокал. – С заслуженными наградами вас! И первый тост я поднимаю за учредившую сей высокий и славный орден всемилостивейшую нашу государыню-матушку императрицу Екатерину Алексеевну! Ура ей!

– Ура! Ура! Ура-а-а! – раскатилось по залу. В руках у стоящего Лёшки как-то сам собой оказался высокий фужер с шампанским, и он, так же как и все, выпил его до самой капли.

Вокруг Алексея лежало и стояло множество столовых предметов, одних только ложек, ножей и вилок самых всевозможных размеров здесь было около дюжины. Пользоваться всем этим он не умел. Из уроков застольного этикета, которые ему давал в своё время француз учитель, как видно, и сам не очень-то сильный в этом, Алексей лишь помнил, что все приборы, что лежат справа, держат в правой руке, а те, что слева, соответственно в левой. Что было, в общем-то, совершенно логично. Так что запоминаем, где какие лежат вилки с двумя, с тремя, и четырьмя зубцами. Ну и эти блин, ножи: «Раз, два три, четыре», – про себя пересчитал их Лёшка. На его тарелку поставили модный ныне луковый суп с сыром и с крутонами³.

Алексей замер, гадая, какую же ему выбрать ложку из трёх, представленных на столе, и скосил глаз на сидящего с левой стороны Байкова. Тот совершенно непринуждённо уплетал свою порцию и, перехватив взгляд Егорова, подмигнул:

– Не робей, егерь, никто на тебя здесь вообще не смотрит, нужны мы с тобой генералам! У них, поди, и свой интерес здесь есть. Вкушай пищу так, как тебе самому удобно! Вон ту, правую возьми, – улыбнулся он, кивая на столовые приборы Егорова.

– Ага, хорошо тебе. Небось, в артиллерийском кадетском не только орудийную науку, но и всякие там столовые этикеты преподавали, – пробурчал Алексей. – Куда уж нам, вылезшим из дремучих поместий.

– Ох ты, какая осведомлённость! – усмехнулся майор. – А знаешь историю про этот модный французский суп? – И после отрицательного кивка Егорова продолжил: – Говорят, его измыслил сам король Франции Людовик XV. Может, конечно, и брешут. Ну да это неважно. В общем, король был на дальней охоте и заночевал как-то в своём охотничьем лесном домике. То ли дичь он не смог добыть, то ли у него настолько ленивая свита была, что совсем не позаботилась о своём монархе, не знаю, ясно здесь одно, была уже глубокая ночь, а он был весьма

³ Гренки.

голоден. Готовой еды под рукой у него не было, и, пошарив в домике, он нашёл лишь только несколько луковиц, немного масла, кусочек сыра, ну и, разумеется, шампанского. Куда же во Франции да без него! Ну, вот он смешал все найденные продукты вместе, отварил их, и вот так вот он и получился, этот новомодный нынче французский луковый суп.

– Шампанское тоже? – совершенно невинным голосом спросил Лёшка.

– Чего тоже? – не понял вопроса Василий.

– Ну, он тоже намешал его вместе с луком и со всем прочим? Сам же вот только что сказал!

– Ну а то как же, француз же! – важно протянул артиллерист. Затем он замер, и они в голос вместе с Лёшкой громко на весь зал расхохотались.

– Господа, господа! – укоризненно покачал головой сидящий за соседним столом напротив главный квартирмейстер Денисов, только что получивший чин генерал-майора.

Байков с Лёшкой покраснели и сконфуженно опустили головы.

– Да брось ты, Иван Фёдорович, ребята молодые, кровь играет, себя вон двадцатилетним вспомни! – вступился за офицеров Румянцев. – Герои же, им сегодня всё позволительно! – и поднял очередной тост: – Вот говорят, что молодость – это недостаток, который со временем проходит. Мне же хочется, чтобы время проходило, а этот недостаток оставался. Так выпьем же за всех мужчин с таким недостатком, – и он протянул руку в сторону молодых кавалеров.

– За молодых, за молодость, чтобы путь тернистым у них не был! – раздались голоса гостей.

В голове у Алексея уже хорошо пошумливало, как-никак это уже был пятый тост. Но вот как было не выпить, когда к тебе приковано столько глаз, да ещё и после тоста самого командующего.

– Ну, за молодость так за молодость!

Глава 5. Служебные хлопоты

Голова жутко болела. За всё хорошее в этой жизни когда-нибудь да приходится расплачиваться. Лёшка открыл глаза, на табурете рядом с его кроватью стоял кувшин с водой. Он потянулся за ним и разом ополовинил.

Уф! Вчера было о-очень весело! Вернее, и если уж быть совсем точным, то, пожалуй, что это самое «весело» было у него даже и сегодня. Привёз-то его экипаж от ресторации уже на рассвете. Причём приехал он сюда с теми гвардейскими хлыщами, которые в самом начале приёма были ему так противны. Приятные, кстати, люди в итоге оказались, и чего это вот он на них тогда так окрысился? Они-то в чём виноваты, что вышли из богатых княжеских и графских фамилий, а их сиятельные папеньки могли себе позволить устроить службу своим отпрыскам в дорогих и недоступных простому дворянину полках столичной гвардии.

После застолья в золотом зале, когда величественный полонез сменился быстрой мазуркой, к ним с Василием-то и подошли Григорий с Фёдором – «дабы выразить им самое искреннее извинение за своё неподобающее поведение в отношении таких уважаемых господ кавалеров».

– Да ладно, я и сам был с вами груб, – сконфузился Лёшка. – Будем знакомы, господа!

Далее они прошли в какую-то боковую залу, так сказать, «знакомиться серьёзней». Танцы их в данный момент не интересовали, ибо дам здесь было совсем мало, и около каждой из них уже стояла большая очередь из кавалеров, ожидавших своего часа. Ну а Лёшка, так он и вовсе был к этим танцам равнодушен, ибо танцевального навыка он не имел, от правильного и уместного здесь слова – «совсем».

В общем, оставив Алексея у его двора, Байков Василий ещё раз обозвал его негодяем и бездельником, бросающем своих друзей в самый напряжённый момент, и укатил праздновать дальше с графьями гвардейцами из рода Воронцовых и Леонтьевых.

– Сам такой! – буркнул на прощание Лёшка. – Как мне завтра, отставить, уже сегодня, перед своими егерями обязательную ротную поверку устраивать?!

Всё, дальше он ничего уже не помнил. Но, судя по всему, до своей постели добраться он всё-таки сумел самостоятельно.

Лечить похмелье можно по-разному, для кого-то спасительным был огуречный рассол или кислые щи по-русски, кто-то, как, например, на Кавказе, выпивал стаканчик чистого соуса ткемали, а потом налегал на мясной бульон хаш. Ну а кто-то предпочитал в этот трудный период кисломолочные продукты. У Лёшки уже был свой проверенный, пусть даже и неправильный рецепт. Он допил воду в кувшине и ушёл на пробежку. Пропотев как следует и через пару часов вернувшись, умылся по пояс во дворе, а затем обтёрся насухо, до красноты и горения кожи. Всё, вот теперь можно было жить дальше вполне себе полноценной жизнью!

– Ваше благородие, господин капитан, дозволейте? – в сенях стоял старший унтер-офицер роты и заглядывал в чуть приоткрытую дверь.

– Макарыч, заходи, ну чего ты там мнёшься? – крикнул Лёшка, натягивая егерский доломан.

– Прощение просим. Не хотел я вас, вашбродь, беспокоить так раненько, да и господин подпоручик говорит, чтобы не тыркали командира, а караульные-то мне доложились, что вы за озёра уже бегали и вроде как даже в настроении были. Ну вот, я и думаю, доложиться бы надобно, чтобы у вас беспокойства какого, за наших егерей не было.

– Всё правильно, Иван Макарович, рассказывай, всё ли у нас в роте в порядке? Никто на праздник ничего такого не учудил? – поддержал своего сержанта Егоров, прицепляя ножны гусарки к поясному ремню.

– Да не-ет, тут всё порядком, ваше благородие, – успокоил его старший унтер. – Не извольте беспокоиться. Вчерась, как вы и сами наказывали, в конце вечерней поверки подпоручик Милорадович, поздравил ещё раз егерей со светлым праздником Рождества и объявил, что вашим личным приказом дозволено на вечерней трапезе аккуратно так и с умом поприазновать по артелям. Потап Савельевич те три ведра сливовой цуйки, что вы к празднику солдатам дозволили испить, всё, значит, в аккурат и по всем артелям распределил. Всё дабы ни у кого и никаких разговоров опосля бы не было, что кому-то там больше, а кому-то вдруг меньше досталось. А я вот самолично всё проверил, на каждого нашего егеря по большой мерной кружке той крепкой сливянки вышло. Опосля по домам ещё прошёлся, всё как бы везде пристойно было, и никто даже за добавкой в город не ухмыстнул. К полуночи вроде уgomонились все и заснули. На утренней поверке, правда, у нескольких гуляк вид такой слегка помятенкой был. Видать, некоторым поболее хмельного досталось, пили-то цуйку опять же не все. Ну да после малой утренней пробежки все они вроде как в себя пришли.

– Ага, ну добро, – кивнул Егоров. – А то я, если честно, переживал. Вроде бы и угостить своих солдат хотелось, всё-таки праздник большой, да и награда моя – это ведь и их во многом тоже. Но и дисциплину подрывать, мне, конечно же, очень не хотелось. С другой стороны, сам вон на банкете гуляю, ротные офицеры тоже у себя празднуют, а весь нижний состав как бы в сторонке. Не правильно это, не по-людски.

– Да вы не беспокойтесь, вашбродь! Ребятки и сами ведь всё понимают и вам благодарны за это ваше внимание, – махнул рукой старший сержант. – Я вроде как тоже вначале подумал, что непорядок это будет, а потом всё ж смекнул, что вы и тут, выходит, правы. Всё равно ведь на такой большой праздник почти что все и всегда бражничают, только вот втихаря и совсем даже не зная меры. Оттого-то, видать, и дури при такой-то вот пьянке порою много случается. А здесь вот вроде как с командирского доверия и от его заботы к своим людям. Всем миром опять же, но, с другой стороны, и как бы тоже с приглядкой. Сами уважаемые люди ведь в роте за порядком следили, и я вам скажу, Алексей Петрович, не только одни лишь капралы и унтера. Были там вчерась и такие, кому по голове хмельным эдак шибко ударило. Чего уж тут греха таить, люди всё же все, и у каждого из них есть свой норов, – вздохнул Макарыч. – Но их свои же быстренько эдак на место поставили и ума разума в их в буйную головушку вложили.

– Надеюсь, головы то эти все целы остались, – улыбнулся Алексей. – Никто после праздника у нас в лазарет не запросится?

– Да не-ет, ну что вы такое говорите, Ляксе́й Петрович! – отмахнулся Макарович. – Всё порядком, не извольте беспокоиться, у всех морды целые и синим не отсвечивают. Вечером на поверке вот всё сами и увидите.

– Добро, – согласился Егоров. – Сегодня у нас день праздничный, да и потом до самого Крещения святочные дни будут. У нас в России все эти дни весело проводят, с колядованием и весельем. Работать вроде как за грех тут считается. Но мы-то люди военные и наделённые присягой государыне, поэтому с послаблениями, но службу свою несём.

– Так точно, ваше благородие! – вытянулся сержант, уловив начальственные нотки в голосе командира. – Как вы ранее и наказывали, распорядок в праздничные дни в роте всё тот же. На час позже подъём, послеобеденный отдых на час более, а сами учения до обеда. Все караулы и обязательные работы, как и обычно. Выход за пределы расположения по увольнительным.

– Всё верно, – кивнул Егоров. – Где и какие ещё дополнительные послабления людям дать, мы и так по ходу всей этой декады вместе с командирами сообща решим. Главное, это чтобы солдаты понимали, что порядок у нас есть и что нарушать его чревато. Да, и по поводу провианта, Макарыч. Если на приварок у Ёлкина серебра мало осталось, так пусть он ко мне подходит, будем с ним вместе думать, как нам это дело поправить. Главное сейчас – это чтобы

наши егеря питались бы по усиленной норме. Отъедятся на праздники, отоспятся вволю, отдохнут, а там уже после Крещения мы снова основательно за своё воинское учение возьмёмся.

– Понял, ваше благородие! Я Потапа попытаю, но пока у нас на снесь в роте никто ещё не жаловался. Порцион ведь и так от пехотного полкового повышенный, а тут ещё и хороший приварок к нему прилагается.

Немолодой уже солдат с интересом поглядывал, на командирскую грудь, где блестел эмалю и золотом новенький георгиевский крест.

– Вашбродь, дозвоьте мне поближе на вашу высокую награду взглянуть? До нас-то уже давно слухи долетали, что она самой матушкой-императрицей вам лично дадена за прошлогодний поход. И то, что она самая главная из всех, которыми их благородия награждают. То правда?

– Ну, зачем, есть ещё ордена Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Александра Невского, их ещё император Петр первый учредил, – рассказывал Алексей. – Далее за ними следует орден Святой Екатерины, правда, это награда для дам из самого высшего света и для великих княгинь по праву их рождения. Все три этих ордена и есть первые награды империи. А орден Святого Георгия – это уже чисто военная награда. Ему ещё и пяти лет нет, как его учредила матушка-императрица Екатерина Алексеевна для отличия офицеров за их заслуги на поле боя.

– Вот и нам уже это сказали, что, дескать, ваш-то командир он самую боевую офицерскую награду нонче получил, коей во всей нашей армии едва ли с дюжину у господ штаб-офицеров и даже у гхенералов наберётся! Ах какой же красивый крест, да на такой ленте! – покачал в восхищении головой Макарыч. – По заслугам он вам, Ляксе́й Петрович, искренне и от всего сердца и от всех наших егерей поздравляю вас с таким вот награждением, да ещё и с новым званием вас к тому же, господин капитан.

– Спасибо, Иван Макарович! – поблагодарил с улыбкой сержанта Егоров. – Всё-то вы уже знаете. И откуда вот только?

Сержант лишь лукаво улыбнулся в ответ и пожал плечами.

– Понял, – усмехнулся Лёшка. – Выходит, и у вас есть свои люди при главном штабе? – и он подмигнул засмущавшемуся унтеру.

Вечерняя поверка прошла как обычно. Солдаты были довольны и веселы. На традиционное приветствие командира строй егерей громыхнул громогласно вдобавок к «вашблагородию» ещё и поздравление с производством в очередной чин и награждением. Всё оружие, амуниция и мундиры у всех были в полном порядке, и Алексей разрешил Лёнке отбить сигнал «к трапезе».

– Ваше благородий, разрешите вас на вечерний трапез к себе пригласить? – обратился после роспуска роты к Егорову Курт. – Мы немножко, кроме свой обычный порцион, ещё готовить запечённый свиной окорок по балканский. Он хорошо маринованный и запечённый со многий овощ. Будет очень, очень вкусно! И я хотел показать, что мы там, в мастерской, делать за этот десять дней, что вы у нас не быть. Приходите, господин капитан, мы вас очень сильно ждать? – Шмидт уморительно сложил руки на груди, стараясь задобрить командира.

– Ага, а если я объём вас? Самим, чать, не хватит на ужин с таким-то вон гостем, я ведь сегодня с утра в рот ничего не брал. Как волк сейчас голодный! – пригрозил старшему ротному оружейнику Лёшка.

– Что вы такой говорить? – покачал головой Курт. – Мы будем очень рад видеть вас. Вы совсем нас не обременять, у нас еда очень много. Мы немножко помочь местный мясник, запаять два его медный чан и ещё немного всякой другой мелкий посуд, и он нас хорошо за это отблагодарить. Мы и другой наш егерский артель дать колбаса и всякий другой мясной изделий. Не обижать, приходите, ваший благородий!

– Ну ладно тогда, – покачал с улыбкой головой Лёшка. – Хорошо вы там у себя устроились, как я погляжу. Местным вон помогаете, окорока печёте, и правда, на что вам обычная солдатская каша?

Курт виновато развёл руками:

– Мой дед многий в Бухарест знать как хороший мастер по работе с металл. Он ведь не только оружий чинить, но и делать заказ по хозяйство. К нему всегда много людей обращаться, и он всем им помогать. Деда нет, и тогда люди искать другой мастер, далеко, совсем в другой часть города, а тут над его мастерской вдруг опять пойти дым. Там кто-то паять метал, резать и пилить, громко стучать молоток. Они меня все тоже помнить, обратиться и мы им немного помогать. Но военный дело у нас есть самый первый! – успокоил командира ротный оружейник. – Мы делать много у себя изделий для всей рота. Вы у нас посмотреть, посчитать и нас не ругать, а только всех хвалить за этой большой работа, – кивнул он на переминающихся неподалёку Василия и Ваню Кудряша.

«Интересно, а ведь с ними какой уже день рядом толкался и наш Афоня», – заметил своего вестового Алексей. Стал он молчаливым и совсем не был похожим на того прежнего весёлого и беззаботного парня, каким был до плена. Поседевшие пряди его волос на висках сливались по цвету со светлыми буклями. Лицо егеря было строгое и осунувшееся. Все эти дни, как он встал со своей постели и вышел к роте, Алексей старался особенно его не загружать, и все дела службы легли на плечи полуротных вестовых и на старшего над ними барабанщика Леонида. Да и дел-то тех в последние дни практически не было, так, если что-то по мелочи им находилось. Вот и был представлен Афанасий сам себе, и тот выбор, что ему было по душе и чем бы ему хотелось заниматься, лёг на него самого. Егеря потянуло к лучшим стрелкам и оружейникам роты, и Егоров Афоню понимал.

– Не мешает вам? – кивнул он на вестового?

– Найн! Никак нет, господин капитан! – покачал головой Шмидт. – Я хотеть вас просить за этот егерь у себя в мастерской, но вы сейчас сами про него сказать.

– Что, неужели к себе хочешь забрать? Вроде бы не замечал у него особого навыка к работе с металлом и с инструментами, – Алексей чуть отвёл в сторону Курта, чтобы их разговор не долетал до всех остальных.

– То есть правда, – вздохнул Курт. – Навык к слесарный дело и к умений работа с металлом у сей зольдат совсем мало. Но он очень измениться и теперь очень стараться, и у него получаться такой работа, который даже я не могу быстро делать. Это есть такой ловкий работа с самый мелкий предмет, где нужно точный расчёт, терпение и очень хороший глаз, – с трудом выразил свою мысль оружейник.

«Ага, у парня хорошая моторика, зрение и координация движений, – понял Егоров. – А вкупе с его изменениями характера это самое-то для выполнения мелкой и кропотливой работы, которой так много в оружейном и вообще в слесарном деле».

– У нас ведь роте всего двое по штатной положенности оружейников, ты да ещё Василий, – кивнул на Рыжего Алексей. – И так я вам в помощь Кудряша, как бывшего деревенского кузнеца, отправил, всё равно ему не по душе ведь это его капральство.

– Как скажете, господин капитан, – вздохнул Курт. – Я понимать, что у каждый есть свой дело.

– Подожди, – остановил его Лёшка. – Давай-ка я сам посмотрю на него у вас в деле в мастерской. Можно же будет временно, что ли, к вам его прижать. Дел-то у вас действительно в подготовке к боям море. Только ты ведь и сам знаешь, вы у меня не только оружейники, но и лучшие стрелки среди всех егерей. Сможешь Афоню в стрелковом деле так натаскать, чтобы он твоему подручному Ваське или тому же Лужину Фёдору не уступал?

Курт задумчиво ковырял сапогом снег на обочине дороги. Посмотрел на стоявшую в ожидании трою, затем на командира и, видно, взвесив всё в голове, кивнул:

– Да, я думаю, что смогу его готовить отличный, найн, лучший стрелок. У него для этого есть всё: очень зоркий зрений, чёткий движений и, главное, есть упорство и желаний посчитаться с осман, и ещё этот темперамент... Э-э-э как это по русский? Норов, вот. У него есть очень настойчивый, твёрдый, даже упрямый и готовый преодолеть любой трудность норов. Да, я верить, он будет отличный стрелок, – подтвердил своё умозаключение Шмидт. – Но нужно сжечь много порох и пройти много время.

– Ну, пока у вас и того и другого в избытке, – кивнул Лёшка. – Займись им лично, друг. Я верю, что у вас всё получится. И пошли уже к тебе в мастерскую, что ли? Вон ребята замерзли, небось, тут стоять да нас на январском ветерке ждать. Только давай-ка через ближайший базарчик или через торговые лавки пройдем, не с пустыми же руками мне к вам в гости идти? И не маши мне здесь рукой, знаю я, что у вас там и так всё уже есть. А может быть, я к чаю имею вот сильное желание особенных сладостей прикупить?!

Глава 6. У оружейников

Зайдя по пути в пару лавок, торгующих продовольственными товарами, Егоров отдал егерям пару кувшинов с безалкогольной сокатой, кулёк со сладкими пончиками-гогошь и ещё пару горшков с местным вареньем из орехов, сваренных в абрикосовом и черешневом медовом сиропе.

– Василий, проверь наш окорок, он, часом, не подгорел ли, пока там на слабом жаре томился и нас дожидался? А я уже на стол начну собирать, пока Курт господину капитану всё наше изделие покажет, – уже распоряжался на кухне хозяйственный Кудряш, начиная подготовку к ужину.

– Вот Алексей, весь наш снаряжённый гренад, – показал на стоящие у дальнего верстака деревянные ящики Курт и, увидев, что рядом у верстака стоит Афоня, тут же поправился: – Ваше благородие, мы снарядить две сотни гренад боевой и дюжина учебный заряд. Всё, больше гренад у нас нет, они все кончатся. Есть три дюжин заготовка для зажигательный и для дымовой начинка, который взять из снаряд шхуны капитана Кун... Кунгурцофф, – с трудом вымолвил сложную русскую фамилию ротный оружейник. – Дымовой хватит ещё на дюжина большой дымовой шашка. Зажигательный найн, они есть все кончен, их марин дать нам совсем мало.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Егоров. – И это хорошо, что хоть столько смогли мы их у флотских выпросить. Михаил вон до последнего кривился, всё не хотел зажигательные брандскугели нам отдавать. Они-то в Россию с Англии были поставлены, ещё при спуске на воду судов шли с ними в комплекте, а новых-то более нет. Видать, наши их не производят у себя пока что. Вот и дрожит он над каждым своим снарядом. Ничего, пока нам и этого хватит. А вот обычных гренад их нужно будет нам, конечно же, поболее. Сам вот вспомни, как они в поле от конницы помогают, да и в ретраншементх и в других укреплениях весьма ведь незаменимая эта вещь!

– Я понимать, – согласился Шмидт. – Но мы свой сила не сделать их так много никак. Вот, на дымовой и на зажигательный шашка весь мой запас медь уйти. Много паять, долго, и всё другое в сторона убрать.

– Да ты за материал не переживай, – успокаивал друга Егоров. – Если у тебя серебро закончилось на его закупку, так ты только скажи, мы ещё, сколько будет нужно, из общей кассы тебе выдадим.

– Найн, – покачал головой Курт. – Алексей Петрович, тут надо большой мастерской или мануфактур, целый оружейный завод со всякий оборудований. Делать большой заказ в этот маленький мастерской возможность нет. Нужен хороший литейный цех и большой кузня. У нас есть только слесарный мастерской и ещё маленький кузня, и всё.

В словах мастера-оружейника был, конечно же, свой резон. Действительно, запросы роты по новому вооружению всё более с каждым месяцем увеличивались, а производственные мощности у Шмидтов оставались всё теми же. Они уже попросту не могли поспеть за всё возрастающими аппетитами егерей. И решить всё это никакой возможности пока не было. Нужно было или расширять саму мастерскую, вкладывая при этом в неё колоссальные деньги. Или же отдавать заказы другим, тратясь опять же втридорога. И самое главное – открывая при этом секреты оружейных технологий совершенно чужим людям. Перспектива и статус придунайских княжеств были очень смутными, и переход их после войны опять же в руки османов грозил утечкой секретов производства всего нового оружия в руки врагов. А то, что они и далее будут врагами Российской империи, у Егорова сомнений вообще никаких не было. Этот вариант необходимо было исключать наглухо.

– Хорошо, Курт, делайте всё то, что пока сами можете, – согласился с ротным оружейником Егоров. – Вот вскоре вернётся наш полковник, обещаю, я с него до тех пор не слезу,

пока он у главного интендантства добрую партию старых гренад не вытрясет. Говорили же мне сведущие люди, что их после снятия с вооружения все по старым арсеналам да по крепостям растолкали. Вот и лежат теперь, небось, все эти тысячи чугунных шариков где-нибудь там сейчас без дела да и ржавеют себе в подвальных хранилищах потихоньку. А мы тут перед боевым походом себе голову ломаем, как бы это нам без карманной артиллерии совсем не остаться!

– Гуд, – кивнул Курт. – Если будет старый гренад, то мы всё сделать быстро. Технологий у нас уже есть, и он хорошо отработан. Порох, пороховой мякоть, крупный дробь и металлический обречь много. Фитиль, хм, – хмыкнул, поморщившись, мастер. – А вот фитиль есть очень мало. Есть силетрян шнур с Охтинский пороховой завод, но он очень боится влага, и если она попадать в гренад на наш дальней выход, то-о... – и старший оружейной группы развёл руками.

– Понятно, то есть гренад не сработает и будет обычной тяжёлой железякой, – кивнул головой Егоров. – Нужен хороший огнепроводный английский шнур, которого нам уже просто так не отдают, хоть как бы и чем бы мы этих пушкарей не соблазняли. И опять все эти вопросы сходятся к Генриху Фридриховичу, просто так без него мне их точно уже не решить. Афонь, с чем ты там возишься-то, покажи? – Алексей подошёл к егерю, с интересом рассматривая лежащий перед ним на верстаке пистоль.

– Да вот, вашбродь, замок на пистоле собираю, затравочное отверстие здесь вот чуток рассверлил, чтобы огонь лучше к запалу по нему пробегал, а теперь на своё место подогнвную пружину ставлю, – объяснял егерь. – Сейчас вот ентот самый выступ, во-от в энто самое отверстие на замочной доске вставлю, а опосля винтом и саму пружину закреплю. Ну, потом ужо и за крышку пороховой полки возьмусь.

Чувствовалось, что солдату нравилось то, чем он сейчас занимался. Да и вообще раньше от него и внятного-то предложения невозможно было услышать, а тут целая речь, да ещё и с техническими подробностями дела. Егоров взял пистоль в руку и внимательно его осмотрел. Был он точной копией двух его личных, переделанных в своё время Куртом из штатных драгунских. В стволе меньшего калибра, чем у родного, были видны винтовые нарезы. На дуло напаяна новая мушка и целик. Заменена на более удобную спусковая скоба. Таких пистолетов с основательной переделкой в их роте было от силы дюжина. Слишком уж муторная и кропотливая была эта работа, отнимавшая массу времени у мастеров. Но и результат боя у таких стволов был отменный. Плюсом здесь давалось шагов в пятнадцать прицельной стрельбы, а это в условиях боя было очень даже существенно.

– Однако молодец, Афоня, неужто ты сам его до ума доводишь? – поинтересовался Алексей.

– Не-ет, господин капитан, что вы! – замотал головой егерь. – Господин фурьер столько времени мне в этом деле уделит, вразумляя меня, дурня, но только на третий день я всё здесь понял и со всем разобрался. Вот теперь довожу замок до ума, да и то мне здесь наш мастер постоянно помогает.

– Не наговаривать на себя! – махнул рукой Шмидт. – Так, только немного совет давать. Мелкий деталь хорошо у тебя работа идти. Пока материал для гренад нет, Афонасий будет оружейный замок и прицел на все штуцер роты переделывать. И себе оба новый пистоль так, как у нас, изготовить. У него это хорошо получаться.

– Ну, вот и решили, пусть он с тобой, значит, здесь пока и остаётся, всё равно, я смотрю, он вам уже как свой стал. Где трое прижились, там и четвёртый не будет лишний, – усмехнулся Алексей. – Глядишь, так и до отделения, до бишь до десятка, вся твоя команда, Курт, разрастётся. Капральство ещё вон Ваське скоро запросишь.

– А что, господин капитан, он очень хороший капрал стать, люди его уважать, – на полном серьёзе подхватил мысль командира Шмидт. – Если лучший стрелок-оружейник будет целый десяток, то много польза с того для вся рота будет. Хороший, новый оружий – это айнс, – и немец зажал мизинец на ладони. – Хороший, сильный пригляд за весь штатный оружий в роте,

за уход и за сбережений у всех зольдат – это цвай, – был зажат безымянный палец. – Хороший, найн, отличный, отборный десяток стрелок рота, и, значит, самый лучший из весь стрелок во всей нашей армий вместе – драй, – зажат средний палец. – Мы учить хорошо стрелять все егеря рота, много помогать пионер с их фугас, доработать разный гренад, изготовить всякий снаряжений для дальний поход, – и Курт зажал все остальные пальцы на руке.

– А конкуренцию, м-м-м... ну, то, что подвинут тебя молодые, сам-то ты не боишься? – подмигнул ему лукаво Алексей. – Вон уже и стреляют некоторые не хуже тебя и даже в ударных замках начинают разбираться, – кивнул он на сосредоточенно работающего за своим верстаком Афоню.

– Найн, я не бояться, – на полном серьёзе ответил Курт. – Сражений скоро конец. Русский армий разбить всех осман на Дунай. Я есть добровольно вступивший в русский армий на время баталий. Как только этот война конец, я уходить и заниматься свой, дедов, семейный дело. Делать охотничий оружий, паять медный таз мясник и молочник, делать много другой мирный работа, – мечтал вслух оружейник.

Из прохода на кухню выглянул Кудряш:

– Ваше благородие, дозвольте обратиться к господину фурьеру?

– Ваня, я гость ваш, давай уже без церемоний? – улыбнулся Егоров. – Обращайся, конечно.

– Курт Карлович, дык поспело мясо-то, коли передержим, так подгорит, и тада оно жёсткое будет, можа, чего, и доставать его уже пора? А накрывать где, как ранее сказывали, не в поварской, а в большой зале?

– Да, доставать и накрывать стол в большой зал, – кивнул хозяин мастерской. – Айн момент, я показать командир ещё наши фугас, и мы прийти к вам. Пока с Василий всё расставлять на стол сам. Господин капитан, пока еда очень горячий, я хотеть вам показать весь фугас, который мы здесь ладить, – оружейник откинул занавеску на небольшой нише. В ней рядком лежал десяток больших и уже ставшими привычными фугасов, которые были основным оружием у пионеров-подрывников роты.

– А это что такое? – Глаз Алексея выделил из общей массы подрывных снарядов пять металлических «кирпичей» несколько необычной формы.

– Вот это и есть то, что я хотеть вам показать, – покачал головой Курт. – Штатный фугас уже не есть интересно. Пуд вес, внутри начинён гранулированный порох, артиллерийский пороховой мякоть и много металлический шарик и мелкий обреза. Нет только хороший огнепроводный шнур. Всё остальной готов к подрыв. А это есть наш новый малый минен, – погладил он один из кирпичиков. – Вы перед второй наступлений за Дунай показать мне рисунок, э-э... черновой чертёж, схема, и зародить в голове мысль. Я долго думать, и вот что мы сделать.

Он вытащил один «кирпич» из ниши и поставил его на верстак.

– Наш штатный фугас работать обычно. Он есть очень тяжёлый, там много порох, и он давать много осколок на дальний разлёт. Сто шагов лететь свинцовый шарик и чугунный обреза вокруг. – Курт, жестикулируя, руками изобразил круговой разлёт осколков. – Это есть очень хорошо в поле, когда наступать вражеский кавалерий и пехота. Большой круг у полёта осколок выкашивать там всех врагов. Но это не есть хорошо, когда война идти не в открытый поле, а в тайный нападений, э-э-э... засада по русский, как на дороге у тот холм, где мы выбить у осман новый французский пушка.

– Понял я, это ты про Гирсово, где мы потом беслы на речном броне держали, – уточнил Егоров.

– Да, так точно, – кивнул Курт. – Оборона Гирсов под командований генерал Суворов. Я что хотеть сказать. Батарей с новый французский пушка османы оставить почти без охрана. За

что они и поплатиться. А если турки быть там умней, осторожней и оставить при артиллерий эскадрон и даже два хороший конница, мы стали бы там нападать?

Алексей, задумавшись, немного помолчал, но затем резко тряхнул головой:

– У нас был приказ выбить у турок эти чёртовы пушки новой системы, которые могли такое натворить на поле боя! Что было бы, если бы более двадцати пушек вот этих новейших французских образцов да ещё и с вымуштрованной иностранцами прислугой ударили бы картечью в упор по нашей пехоте? Нет, мы бы обязательно выполнили приказ Суворова и ударили по ним из засады, пусть там и был бы хоть даже и целый алай охраны.

– Вот, и я тоже так думать, – согласился с ним немец. – Мы не могли не выполнить приказ и обязательно атаковать врага, пусть даже и ценой своей жизни. И, наверное, погибнуть там, потому что наш сто ружей не хватить, чтобы выбить весь прислуга орудий и разогнать вся охрана: айнс, цвай эскадрон.

– Да, тут плотность огня, стрелкового боя должна была бы быть в разы выше, – согласился Егоров. – Но ты к чему ведёшь-то всё это?

– Айнс момент, – усмехнулся Курт и схватил с соседнего широкого стола заваленного бумагами, чертежами и какими-то рисунками широкую тёмную доску.

Он смахнул с неё тряпкой какие-то наброски деталей и быстро нарисовал ту простейшую схему боя, которую чуть больше полугода назад Алексей показывал своим командирам на земле. Всё та же дорожная петля у холма, склон оврага, стрелки от егерских позиций направленные на хвост, на голову и на центр идущей по дороге колонны.

– Охрана всех обозов идти всегда в голова и немного в хвост колонна, – объяснял Курт. – Если сделать огромный шквал огня там, где идти этот охрана, и выбить разом много воинов, то охрана потерять боевой дух и на долгий время утратить всякий желаний нападать на егерь. Мы установить фугас здесь, здесь и здесь, – и Курт указал места на схеме, – и они выбить эскадрон в голова и в хвост колонна. Егерь нападать на артиллерист и легко их уничтожить.

– Хм, – скептически сморщился Егоров. – Ну, мы ведь могли и сами так сделать, с обычными фугасами, ты сам-то понимаешь, почему тогда на это не пошли?

– Вот, это и есть тот задача, который нужно решать, – поднял вверх палец немец. – Ставить наш большой фугас скрытно, нет, никак не получатся. Любой глупый осман увидит дымящийся шнур на большой железка, поднять паника, и всё! Бах! Весь осколок улететь в пустота и даже в кусты на холм, где очень недалеко сидеть мы. Поставить фугас скрытно на обочина дорога? – задал он вопрос и сам же на него ответил: – Найн, фитиль дымится, всё равно выдавать себя, и опять – бах! – и он обвёл угольком большой круг возле дорожной петли на съеме. – Половина осколок лететь на дорога, половина бить кусты и в ней наш егерь. Так?

– Так, – согласился с ним Алексей. – Ну и дальше-то что?

– Вот, я только что показать здесь два задача, а вы даже не заметить? – ехидно прищурился Шмидт.

– Да заметить, заметить, – усмехнулся Егоров. – У самого были такие же мысли. Что я, зря тебя столько подталкивал подумать о направленных взрывах у наших фугасов? Я так понимаю, что вот этот самый «кирпич», он и есть прообраз того самого направленного фугаса?

– Яволь, так точно, господин капитан, я правильно понять вашу мысль. Зачем носить целый пуд на спина и создавать вокруг сто, сто пятьдесят шагов разлёт осколок, если нужно лететь тридцать, пятьдесят шагов, но на определённый место. И можно носить вместо один большой фугас четыре и расположить их как надо.

– Ну да, для засадной войны это самое то, – согласился с оружейником Алексей. – Так можно создавать сплошные убойные участки. Это, считай, как выстрел ближней картечью в упор из полевого орудия. А вторая задача – это, как я понял, собственно, опять же маскировка, так? Дым фитиля всё равно выдаёт расположение наших мин, верно?

– Да, – согласился Курт, – то есть именно так и есть. Задача с направленный фугас мы суметь решить так, как вы нам и подсказать. Если очень просто, то вот этот основной часть взрывной снаряд, как вы его назвать – кирпич? – он есть из более толстый сталь, а вот этот часть, – и он продемонстрировал выпуклую полусферическую поверхность «кирпича», – есть более тонкий сталь из жёсть. Когда пороховой заряд внутри фугас воспламеняться, огромный, просто колоссальный давлений пороховой газ разрывать тонкий стенка и выталкивать все сто малый свинцовый шарик, который лежать между тонкий внутренний перегородка и вот этот выпуклый стенка, только лишь в одна сторона. И в та, которая нам надо. Мы уже испытать наш направленный фугас, и он хорошо работать. Только нужно его ещё думать... э-э-э, по русский – это доводить до ума. И тогда он стать ещё лучше, чем сейчас. Но что делать с маскировка и со способ подрыва фугас, мы пока не знать, сломать весь голова, много спорить, но ничего пока не придумать, – и Курт беспомощно развёл руками. – Только вы суметь натолкнуть нас на правильный мысль, мы уже сдаваться, этот задача нам никак не решать.

– Ваше благородие, прощение просим, но там на столе стынет давно всё, – не выдержал уже которую минуту переминающийся на пороге мастерской Кудряш. – Холодный окорок-то ведь совсем не вкусно будет есть. Вашбродь, а мы ведь стара-ались, – протянул он как-то по-детски обиженно.

– Всё-всё, идти за стол, – взмахнул руками Шмидт. – Хороший же я есть хозяин, свой гость только разговорами кормить!

Спиртного за столом не было. Хозяин был противником этого, так как в их семье у деда хмельное, мягко говоря, не приветствовалось. Солдаты егеря в силу своего молодого возраста избаловаться им тоже ещё пока не успели. В русских деревнях чарочку-другую браги, хмельного мёда или берёзовицы могли себе позволить только лишь степенные мужики, да и то по большим праздникам или по серьёзным событиям. Русская крестьянская молодёжь хмельного не знала вообще! Ну а Лёшку, того после вчерашнего веселья от него и вовсе на дух воротило. Поэтому сказав твёрдое «нет» гостеприимному хозяину и отодвинув припасённый им штоф цуйки подальше в сторону, он плеснул в свою кружку сокаты.

– С Рождеством, ребята! Чтобы поскорее победой закончилась эта война!

– С Рождеством, с Рождеством! – Кружки сдвинулись с глухим стуком, вечерний пир в доме Шмидтов начался.

Кроме запечённого окорока, в большом блюде лежали тушёные овощи, и каждому индивидуально в горшочке подавалась яхия, что-то типа густого супа с мясом, пряностями, овощами и, как в этом случае, с фасолью. Всё было очень вкусно и сытно. Егоров здесь себя чувствовал как в своей тарелке, да и солдаты, как видно, их благородием особенно не напрягались. Сам образ егерской службы, где господа офицеры на дальних полевых выходах ели с одного котелка с рядовыми, приучил всех к более свободному общению в этой особой роте, весьма отличаясь от других подразделений Русской императорской армии, не говоря уже о строевых пехотных полках.

За душистым травяным чаем разговор как-то сам собой скатился к общей для всех теме. Василий, послушав о фугасах и о штуцерах, почесал свою рыжую шевелюру и вздохнув выдал свою затаённую мечту:

– Вот бы нам такое ружжо измыслить, чтобы оно раз за разом бы стреляло, ну вот хоть пуцай даже с дюжину раз, и его бы не нужно было после каждого такого выстрела перезаряжать.

– Ну ты и скажешь, Васька! – поднял на смех друга Кудряш. – Это сколько же стволов-то ему надобно будет присобачить тогда на приклад? Цельную дюжину получается, что ли, да? Обычная вон пехотная фузея, и та, поди, с четверть пуда веса имеет. А это твоё ружжо, сколько же оно тогда веса потянет? Ты вот сам своей рыжей головой подумай! Тут энтот только один фугас, пока ты его на себе на дальнем выходе упрёшь, всю спину тебе до синяка собьёт. А вот

такое ружжо, эдак оно и вовсе будет одному человеку неподъёмным. А заряжать эти стволы как? А наводить как же такую бандуру? Ну уж не-ет! Ни в жизни не бывать, Василь, таким вот многострельным ружьям! Выдумки это всё пустые, вот улучшать нонешние, их, канешна же, будут. Мож, даже порох посильнее какой придумают, пулю какую получшивее, чем даже наша новая, поди, ещё измыслят? Раньше-то мы обычной, круглой гораздо слабже ведь били, а про порох сказывают, что он весь вот такой, как пороховая орудийная мякоть была. Это потом уже его иноземцы эдакими крупинками на своих пороховых заводах стали скатывать, вот он и получил у них особое такое название гранульный, и сам много сильнее того обычного стал.

– Гранулированный, – поправил Кудряша Курт. – Гранулированный порох его правильно называть. – А насчёт многозарядный оружий ты, Иван, смеяться зря. Я сам своим глазом лично видеть, как мой дед Отто чинить хитрый пистоль с колесцовый замок и с вращающийся пять стволов. А в самый первый год этой война один богатый валах принести нам английский морской семизарядный ружьё. Нажимаешь на спусковой крючок, и бабах – стрелять сразу все семь стволов, и все семь пуль лететь вперёд.

– Да, а толку-то с того? Вон наш мушкетон, он, чай, не хуже этого англицкого морского бьёт, это какая же отдача-то с него будет, ежели разом все семь стволов пальнут! – горячился Кудряш. – У меня вон он нашего мушкетона две недели уже, как синяк с плеча не сходит.

– То есть правда, – вынужден был согласиться старший оружейник. – Мы испытать тот починенный морской оружий при его валашский хозяин. Он дать его свой слуга, и тот повредить от сильной отдача свой плечо. Очень сильно его повредить. Пуля лететь не точно и совсем не далеко. Такой плотность боя, как у наш мушкетон, у него нет, только если на палуба корабля в упор стрелять. И главный – это то, что сам этот оружий, он есть очень капризный, так же, как и тот пистоль с пять стволов. Дед мне тогда сказать: «Весь этот оружий, Курт, есть очень глупый, он только для игры богатый бездельник. Настоящий оружий – это строгость, точность отделки всякий деталь и когда нет всякий излишеств. Как можно больше простота и ничего лишний. Чем проще и строже, тем оружий меньше ломаться и лучше работать».

– А я вот у господина капитана попытаю, есть ли будущее за многозарядным оружием, – всё не унимался «фантазёр» Василий. – Он-то ведь, чай, поумнее всех нас, вместе взятых, сам будет, вона сколько книг Ляксея Петрович прочитал и с разными грамотными людьми опять же знался. Ваше благородие, что скажете, как вы рассудите нас?

Четыре пары глаз с вниманием смотрели на Алексея. Он облизнул ложечку от медового сиропа вкуснейшего орехового варенья и положил её в пустую кружку.

– Не-е, Афанасий, спасибо, напился я уже, не наливай мне более, – остановил Лёшка поднявшегося было со своего места егеря. – Ну что вам ответить, господа егеря? – Лёшка оглядел притихших за столом солдат. – Так уж устроен человек, что без войн он ну вот никак не может жить. И раньше ему не жилось в мире, и через сто лет он спокойно жить не будет, и через двести, и, наверное, даже через три сотни лет всё одно за оружие возьмётся. Только оружие это с накоплением знаний и с развитием производств, мануфактур, мастерских, фабрик и всяких там огромных заводов всё более и более улучшаться у него будет. Вы вот вспомните, чем наши пращурь раньше воевали: копьями, топорами и мечами, а из метательного и из стрелкового – сулицами, луками да самострелами. Уже потом, и сравнительно недавно, появились первые и пока что слабые пороховые бомбарды, аркебузы и фитильные пищали. Оружие улучшалось, оно становилось всё более сильным и опасным, и вот в ход уже пошли мушкеты с новыми пушками. А теперь поглядите, солдаты бьют пулей из фузей с ударно-кремневыми замками. Как сильно продвинулось оружие в своём развитии?! Вы вот только себе представьте, если на это всё, чем сейчас люди в нашем времени воюют, вдруг посмотрит дружинник из веков князей Рюрика, Святослава, или Владимира Красно Солнышко? Да он, поди, вовсе даже не поймёт ничего и попросту не поверит, что такое вот оружие простым мастеровым человеком и безо всякого там чародейства да ворожбы сделано, а теперь и у самого обычного солдата пещца

на его вооружении состоит. А теперь вот вы свой штуцер возьмите, это же вообще вершина всего нынешнего стрелкового оружейного дела! Казалось бы, ну куда ещё-то лучше? За пять и даже вон за восемь сотен шагов врага можно из него убить! Виданное ли такое дело? Всё! Предел! Дальше уже точно некуда идти! Ан нет, даже и с таким вот прекрасным оружием мы, имея умную голову, умелые руки и вот эту мастерскую Курта, и то ведь даже улучшения на нём делаем. Вот, новую скорозарядную пулю для всех своих ружей придумали, прицелы вон им новые ладим и даже ударные замки на нём теперь улучшаем. Поверьте мне, пройдет какая-то сотня лет, и в этом мире появится такое оружие, о котором вы сейчас даже и вообще представления не имеете. В том числе и, как только что Василий сказал, – многострельное. Просто для его производства нужно развитие математики, механики, чертёжного дела, химии, физики и множества прочих наук. А потом все эти новые знания и все умные мысли, рождённые в головах учёных людей, найдут своё воплощение уже и в самой этой жизни. И появятся в мире новые вещества, изделия, ну и, разумеется, появится новое оружие. На это, конечно, нужны годы, годы и ещё раз годы. И, наверное, это хорошо, – задумчиво проговорил Алексей. – Слишком уж сильное оружие человеку в руки попадает, оттого-то и жертв в войнах становятся всё больше и больше. Но это уже, если слишком глубоко задумываться, получается, так сказать, философия. А мы-то с вами, братцы-солдаты, служим верой и правдой матушке-императрице и своей стране, защищая её всемерно от врагов. И очень хорошо, что можем хоть что-то улучшить из вооружения для своей роты, вот на этом своём, хоть и на небольшом, уровне.

– Значит, будет многозарядное оружие? – с каким-то облегчением вздохнул Василий. – Выходит, что не зря я всё мыслил об этом?

– Будет, будет, – улыбнулся Алексей. – Оно и сейчас уже есть, правда, пока ещё очень капризное и неудобное в исполнении, да и толку-то от него немного. Но пройдет не более полусотни лет, химики-учёные изобретут новые взрывчатые и пиротехнические гремучие смеси, а потом уже по их изобретениям и оружейники-фабриканты начнут серьёзно улучшать само оружие. И порох они ещё улучшат, и новую, более сильную, чем нынешняя, взрывчатку изобретут. Всё ещё будет. Но на наш век вполне пока хватит и того, что уже и так сейчас есть. А мыслить и мечтать – это, конечно, не вредно, Василий. И зря вот над тобою наш Ванька потешается, – перевёл взгляд на Кудряша Егоров.

Тот при таких словах своего командира тут же сменил насмешливое выражение на серьёзное, втянул голову в плечи и скромно потупил глаза в стол.

– Фантазёры, чудаки и мечтатели – только они двигают прогресс в жизни, ну то есть дают толчок к развитию всего вокруг и к движению вперёд. Тем более что у вас самих эти мечты вон в каком нужном направлении идут. Оружие для роты делаете, кровь егерям и нашим солдатам сберегаете. Молодцы, братцы, мечтайте и далее на здоровье!

– Вот, это есть правильно! – подтвердил Курт. – Конечно, нужно соблюдать порядок и весь определённый правил, но и загонять мысль в рамка, в шаблон, тоже не есть гуд. А что вы сказать про наш новый фугас, что можно по нему помечтать и придумать, чтобы он у нас лучше стать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.